

Роман Рейн

Без права на жизнь

Роман Рейн
Без права на жизнь

«Издательские решения»

Рейн Р.

Без права на жизнь / Р. Рейн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858789-4

Не нужен своей планете. Не нужен своему времени. Отчаявшийся пилот по имени Овальд Чейз отправляется на поиски новой планеты.

ISBN 978-5-44-858789-4

© Рейн Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Лишние люди	6
Глава 2. Пробуждение	15
Глава 3. Эра перемен	27
Глава 4. Истинные люди	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Без права на жизнь

Роман Рейн

Иллюстратор Олег Щербаков

© Роман Рейн, 2017

© Олег Щербаков, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-8789-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Лишние люди

В полупустом кабинете сидели два человека. Несмотря на то, что было прохладно, оба собеседника изрядно потели. Один из них был пожилой мужчина в синем медицинском халате, который потел от избыточного веса и плотного обеда, периодически вытирая лысину влажной ладонью. Вторым человеком был молодой парень, который покрывался липким потом от волнения.

Удивительно, насколько такие мелкие детали, как стул и стол влияют на статус собеседников. Человек в медицинском халате сидел в роскошном кресле. Его болтающиеся ноги, с которых он предварительно снял натирающую обувь, не доставали до пола и были не видны из – за стола. Держался он уверено. Другой человек, находившийся по другую сторону стола, был весь на виду. Сидел на высоком неудобном стуле, который больше подходил для бара и чувствовал себя канарейкой, сидящей на жердочке.

– Ну что, приступим к собеседованию? Меня зовут профессор Снейк, я буду принимать решение по поводу вашей дальнейшей карьеры. Да не переживайте вы так, каков бы не был вердикт, вы все равно послужите нашей планете и принесете пользу человечеству. – Сказал мужчина в халате.

– Для этого я и был рожден. Я всегда спокоен, профессия обязывает. – Вежливо ответил молодой человек, не зная куда смотреть.

– Имя? – спросил профессор Снейк, по – стариковски набирая текст громкими постукиваниями по сенсорному экрану стола, так как привык к механической клавиатуре. Влажные пальцы оставляли неприятные, жирные разводы.

– Овальд.

– Фамилия?

– Чейз.

– Раса?

– Белый.

– Профессия?

– Пилот, класс «16J»

– Мда... Редкая категория. Молодой человек, у вас прекрасные шансы на попадание в «капсулу». Я вас поздравляю.

– Благодарю вас, но я хочу работать сейчас, в нашем времени. – сказал Овальд.

– Причина? – спросил Снейк, вытирая рукавом халата маленькие капли пота с дисплея.

– Сейчас я лучший пилот в училище. Я и дальше хочу быть лучшим. Лет через сто будут совсем другие корабли и я не уверен, что буду хорошим пилотом. – ответил Овальд, по прежнему не зная куда девать взгляд. Он никогда не смотрел в глаза собеседникам, так как читал там зависть, испуг, неловкость, злобу, любопытство... Не самые лучшие человеческие чувства. Поэтому он предпочитал рассматривать окружающие его предметы и вести беседу. Но взглядом в этом кабинете было не за что зацепиться.

– Видите ли, мистер Овальд, современными космическими кораблями могут управлять пилоты с более низкой категорией. Скорость кораблей не настолько велика и не вызывает сильных перегрузок у пилота. В будущем, несомненно, создадут более скоростные корабли, для которых будут нужны люди стойкие к сверхперегрузкам. И далеко не факт, что такие люди будут в том времени. Сейчас нерентабельно оплачивать фиксированную заработную плату пилота класса «16 J», который будет летать на примитивных и медлительных «Скифах». С этим могут справиться рядовые, посредственные пилоты за меньшую плату. – монотонно объяснил Снейк равнодушным голосом, ослабляя ремень, который мешал дышать в полные легкие сухим, безбактериальным воздухом.

– Я согласен быть лучшим пилотом среди посредственных.

– Вы хотите загубить свой талант? У вас же уникальная стойкость к перегрузкам! Ну уж нет, если вы готовы загубить свои способности, то мы не дадим вам это сделать. Вы принесете максимальную пользу нашей планете в будущем! Чего вы боитесь? Вас поместят в специальную капсулу, заморозят при помощи жидкого азота, а ваши личные данные поместят в архив. Когда появятся космические корабли, управлять которыми смогут только «сверхпилоты», вроде вас, вы подвергнетесь разморозке. Пройдете курс реабилитации. Затем пройдете курс обучения, поскольку ваши знания в области пилотирования будут устаревшими и вы будете летать в галактики, о существовании которых мы сейчас и не догадываемся.

– Сейчас у меня есть родители, о которых, кроме меня, некому позаботиться. Да и личная жизнь, лежа в холодильнике, выглядит не очень перспективной. – сказал Овальд, сдерживая себя из последних сил. Ему нельзя срывать сейчас. Нервный срыв не позволителен для пилота. Если этот потный толстяк сообщит об этом куда следует, то Овальда будет ждать очередная череда медицинских комиссий, множество бессмысленных тестов, длительный прием седативных препаратов, пока его не признают опять пригодным для полетов.

– О, об этом не беспокойтесь! О ваших родителях позаботятся соответствующие органы. Им будет ежегодно выплачиваться вполне солидная сумма. А что касается вашей личной жизни... То вы можете хоть сейчас сдать определенные анализы, и выбрать себе женщину из нашей базы данных, из категории «безработных». Когда вы отправитесь в криокамеру, то она родит вам вполне здоровых детей. Ну, если вы будете слишком долго находиться в «капсуле», то и они подвергнутся заморозке, что бы вы очнулись вместе с любящей вас семьей. Ваши близкие не будут ни в чем нуждаться.

– Я так понимаю, что хорошие деньги платят не за то, чтобы я работал, а за то, чтобы ждал? Нас всегда убеждали что, чем тяжелее работа, тем легче на нее устроиться. Предложение, конечно, заманчивое, но я все равно не согласен на ваш «морозильник». – Решительно сказал пилот.

– Видите ли, вы не совсем осознаете всю ситуацию... Криоконсервация – эта процедура, которая не является добровольной. Правительство нашей планеты вынуждено принудительно подвергать этой процедуре людей. Нам приходится бороться с перенаселением, оставляя наиболее полезных на сегодняшний день людей. Вас вернут когда будут востребованы ваши способности. – проговорил профессор Снейк, открывая дефолтную игру офисных работников на дисплее.

– Когда я чувствую себя счастливым больше одного дня, у меня возникает подозрение, что от меня что – то скрывают. Профессор Снейк, можно задать вам пару вопросов личного характера? – спросил Овальд, впервые взглянув в выцветшие от времени глаза своего визави.

– Конечно, друг мой. Всегда интересно общаться с людьми, которых возможно, больше не увидишь в этом времени. Это ведь люди будущего, приятно сознавать, что люди, возможно, вспомнят меня через сто, пятьсот, а может и тысячу лет... – проворковал мистер Снейк не отрываясь от игры.

– Вы считаете себя полезным, мистер Снейк? Вот вы имеете право на существование в нашем времени? В чем ваши уникальные способности? Вы что, единственный, кто умеет с умным видом играть в компьютерные игры, решая при этом судьбы людей? – холодно спросил Овальд не отрывая от Снейка свои темные глаза.

– Что? Ах, вот вы о чем... Вы далеко не так глупы, как мне показалось. С разумным человеком приятно беседовать, но трудно работать. Видите ли, мистер Овальд, в этом кабинете работали разные люди, но лишь я идеально вписался в схему этой работы. Дело в том, что мне глубоко плевать на людей подлежащих заморозке, мне так же безразлично, дождутся ли они своего часа востребованности или нет. Я просто делаю свою работу, и делаю ее хорошо, ничего личного. Будь вы на моем месте, вы бы испытывали угрызения совести, пытались бы

как –нибудь помочь людям уйти от этой необходимой процедуры. – Сказал Снейк и посмотрел своими светлыми, старческими глазами в темные, острые зрачки пилота.

– Да, палачи были нужны в любые времена. Вы мне нравитесь, мистер Снейк. Говорят, у меня отвратительный вкус, но в вас есть что-то интересное.

– Вы забываетесь, молодой человек, где находитесь и с кем разговариваете. Думаю, что на этом мы закончим нашу милую беседу, – сказал профессор, оторвавшись от игры и забыв нажать на паузу. – В общем, так, Овальд Чейз, завтра утром вы обязаны явиться сюда в десяти часам утра на криокансервацию. Советую прийти, поскольку в случае отказа, вы подвергнитесь процедуре принудительно. Лицензии пилота вы на неопределенное время лишаетесь по моей личной инициативе для вашей же безопасности. Что бы дров не наломали. Получите ее, когда выйдете из «капсулы». Далее я вас не смею задерживать, всего доброго.

Овальду захотелось что –нибудь сломать, разбить... Но кабинет был пуст и ломать было нечего. Даже дверью не хлопнуть – они сами раздвигаются.

Пробираясь к выходу, Овальд ощутил, что ему не хватает воздуха. Нет, не того стерильного кабинетного воздуха, а настоящего земного: кислого, с привкусом земли.

Выйдя на улицу и глубоко вдохнув кислый воздух, он начал размышлять о том, что делать дальше.

«Куда идти? Поехать и проститься с родителями? Пойти и напиться с друзьями из летнего училища, что бы жизнь лучше казалась? Что? Что? Что?»

Овальд, ничего не замечая, прошел пару кварталов и сел на идеальный искусственный газон в каком -то дворе. Его белые штаны моментально стали окрашиваться в зеленый цвет от сочной, вкусно пахнущей озоном искусственной травы. Достал из кармана булку припасенную из столовой училища и стал кормить голубей.

Прохожие смотрели на него с удивлением. Сложно увидеть человека сидящего в разгар дня и кормящего птиц. Люди бегут, спешат по делам, создавая иллюзию полезности и занятости. Человек считается нормальным, если он постоянно занят делами, если он общается по телефону одновременно по двум линиям. Не просто обедает, а при этом проводит важные переговоры с клиентами. Поэтому, глядя на молодого парня, который не работает в поте лица, в глазах прохожих читается мысль, что он либо сумасшедший, либо бездельник, которого они содержат платя налоги.

«Нет, добровольно я не пойду в „капсулу“. Черт с ней, с этой лицензией. Раз уж дают иллюзию выбора, то нужно ей пользоваться.» – думал Овальд наблюдая за голубями дерущимися за крошки. Он был один. Один среди людей.

– Разрешите присесть? – раздался тонкий голос за спиной. Овальд вздрогнул и машинально сдвинулся на траве в сторону, уступая место, как – будто он сидел на лавочке. Обернувшись, он увидел девушку азиатской внешности.

– Да, конечно. Если одежду испачкать не жалко. Только крошками угощать не буду, даже не просите. – С улыбкой сказал пилот, продолжая следить за птицами.

– Для людей крошек жалко, а для голубей нет? – спросила девушка, садясь на яркую траву, которая моментально окрасила ее легкую, белую юбку.

– Голуби лучше людей, они свободны и могут лететь куда угодно. Не зря их считают символом свободы. А мне запрещают летать, и я ничего не могу с этим поделать.

– Вы летчик?

– Да, был им десять минут тому назад. Теперь я затрудняюсь ответить кто я. – с тоской сказал Овальд и впервые посмотрел девушке в глаза.

Раньше, когда он смотрел людям в глаза, то они смущались и опускали взгляд. Ему часто говорили, что под его мрачным взглядом люди чувствуют себя неловко. В такие моменты он чувствовал, как люди начинают смущаться, после чего он сам отводил глаза и начинал смотреть куда –нибудь в сторону.

Когда он посмотрел на девушку, она не отвела взгляд и продолжала улыбаться ему, смотря на него своими блестящими, миндалевидными глазами. Почему – то впервые в жизни он почувствовал себя глупо и нелепо глядя на человека. Обычно бывало наоборот.

– Завтра меня должны поместить в «капсулу». У меня высокая стойкость к перегрузкам и эти остолопы решили меня приберечь до лучших времен. Как кусок отбивной, который не смогли доесть и поместили в морозилку. И так же как эта отбивная, я не стану лучше и вкуснее после разморозки.

– Опасно называть «остолопами» работников фризкамер при незнакомых людях. Их боятся, так как долгие годы будете находиться в их владениях. Мало ли что им взбредет в голову с вами сделать, поэтому лучше помалкивать и держать язык за зубами. А вдруг, я окажусь работницей фризкамеры? Не боитесь? – сказала девушка, закрывая глаза и подставляя лицо яркому солнцу.

– Плевать. Я все равно не собираюсь лежать полуфабрикатом в их морозилке. Буду бегать пока не поймают, а там уже будет все равно, что дальше. Да и не можете вы быть их работницей.

– Почему?

– У вас глаза ЖИВЫЕ.

– Очень редкий комплимент. Даже не знаю, хорошо ли это. Как вы это определяете? – сказала девушка, открыв раскосые глаза, и взглянула на Овальда.

Овальд снова почувствовал себя полным дураком. Нельзя сказать, что это было приятное ощущение, но оно было необычным и странным.

– Глаза у людей «живыми» становятся от неравнодушия. По вашим глазам видно, что вы много смеялись, плакали, жалели, грустили, гордились, сочувствовали. У большинства они пустые и мертвые. Такие видят только людей с такими же мертвыми глазами, бездушные предметы окружающие их. – сказал Овальд, смотря на девушку.

– У вас они тоже выглядят живыми. Видимо, из вас не смогли сделать настоящего робота – пилота, прилежно выполняющего команды, как этого требует программа обучения. Видимо, вы плохой пилот. – сказала девушка улыбаясь.

– В училище всегда говорили, что я отличный пилот, но скверный человек. В скверном характере и кроются все мои проблемы. Вот даже сейчас, мне плохо, а я должен бы радоваться тому, что в отличие от своих однокурсников, я буду летать на космический кораблях будущего! Это же мечта любого курсанта... надо всего – лишь залезть в «капсулу» и смирно лежать. А я сижу тут с вами и думаю, как загубить свою карьеру и испортить жизнь себе и родителям, поскольку я не смогу обеспечить их старость без лицензии пилота.

– Вы счастливый человек мистер... Извините, как ваше имя? – спросила азиатка, смешно жмурясь от солнечных лучей.

– Овальд. Овальд Чейз. И в чем же я счастлив?

– Вы нужны человечеству, а это значит, что у вас есть будущее, как только настанет ваше время. А я вот сижу, разговариваю с вами и смотрю в последний раз на солнце. Меня завтра тоже поместят в «капсулу», но уже навечно.

– Что??? Они обязаны размораживать любого человека! – Удивился Овальд.

– Да, так и есть. Видите ли, мистер Овальд, дело в том, что я всю жизнь была неудачницей. Началось это с момента рождения, когда после сканирования врачи не смогли определить мне будущую профессию. У меня от природы нет никаких способностей. Из меня никогда не получится выдающийся ученый, спортсмен или великая актриса. Я средняя во всем, соответственно, я не смогла получить образование и нахожусь с момента рождения в статусе «без-

работной». Эта первая причина помещения меня в «капсулу». Так же мне не повезло с расой. Представителей «желтой» расы слишком много, так же как и «черной». На Земле сохраняют численный баланс между всеми «цветными» людьми. На одного «белого» рождается шесть «желтых», поэтому пять «желтых» уходят в фризкамеры. Так сказать, в резерв. До своего возраста я дожила лишь благодаря отцу, который укрывал меня дома, с тех пор как узнал, что меня ждет криоконсервация. Возможно, про меня бы и совсем забыли, но бдительные соседи напомнили о моем существовании властям.

– В этом есть смысл, иначе «белой» расы давно бы уже не было. Жестоко, но необходимо. – Сказал пилот, бросая последние крошки птицам.

– Да, мы все понимаем, что это необходимо. Но почему-то именно мне суждено было родиться «желтой». Мало того, что я бесполезна обществу, так я еще и создаю перенаселение на этой планете, вследствие чего, я отнимаю ресурсы у других. Ем чужую еду, надеваю чужие вещи, помогаю допивать последние запасы пресной воды. Ресурсы, которые могли бы служить полезным людям, расходуются на меня. Меня нет смысла размораживать. Я всегда была лишней на этой планете.

Бесконечный поток серых людей с мертвыми глазами продолжал свое бессмысленную суету по тротуару, мимо сидящих на траве. По дороге ехали машины, которые сдували пыль на обочину. Светлая одежда двух людей уже приобретала серый оттенок. Только крашенная трава оставалась яркой и чистой.

– Да уж. Получается некая эвтаназия, с микроскопическим шансом на оживление. Я всегда чувствовал, что родился не в свое время. Фризкамеры, похоже, помогают воплощать наши мысли. Вас убирают, меня перемещают во времени. Но ведь у вас все равно есть шанс, могут же быть какие –нибудь форс – мажоры, что бы вас разморозили? – спросил с надеждой Овальд. Странно, но эта хрупкая азиатка вдруг стала ему самым близким человеком на этой планете.

– Нет. Шансов нет. Мне даже с полом не повезло от рождения. Мужчины, входящие в категорию «безработных» и «желтых», имеют шансы на разморозку в случае войны. Хотя бы для роли «пушечного мяса» годятся. От женщины с подобной категорией нет смысла. Я не смогу держать оружие в руках. Я для этого не создана. – Сказала девушка, и ее глаза заблестели еще сильнее.

– Знаете, – горячо заговорил Овальд – давным – давно я видел фильм. В нем главный персонаж, миллионер, уставший от жизни, решил пробежаться. Сначала он решил побежать к морю и просто подышать свежим воздухом. Когда он прибежал к берегу, он решил бежать дальше, пока не надоеет. Он бежал через все штаты Америки. Бежал, бежал, бежал... Без всякого смысла, просто потому, что ему этого хотелось. Когда хотел – отдыхал, когда хотел – ел. Его стали показывать по новостям. В его беге стали находить какой – то смысл, причем каждый свой смысл видел. Кто – то думал что он бежит в знак протеста против правительства, кто – то, что он бежит в знак перемирия между народами и так далее. К нему стали присоединятся другие, каждый со своими целями.

Он бежал три года во главе этой разношерстной колонны. И вдруг остановился. Обернулся к своей колонне и сказал: «Я пошел домой». Люди стали спрашивать его: «А что делать нам? Протест закончен?». Он не ответил и пошел обратно, просто потому что ему так захотелось! А люди еще долго стояли так и не сумев понять, в чем был смысл его забега? И в чем польза?

Люди всегда пытались искать во всем пользу. Когда смотрели на звезды – пытались понять, для чего они светят, в чем их польза и долго ли они еще светить будут? Для чего существуют планеты? Есть ли на них жизнь? Новая жизнь на других планетах, может нам принести много пользы. Нам все нужно подогнать под свой понятный нам мир, загнать все в рамки. Во всем должен быть смысл. Мы даже когда поняли, для чего нужна пища, стали делать ее максимально полезной. Воздух должен быть полезным – убрать всех микробов. Солнце светит,

а в чем польза? Ветер дует для чего? Вода в реке течет – зачем? Сделаем, что бы все это было полезным, давало электричество. Летит птица в небе, в чем ее смысл? А, она же сохраняет нам урожай, уничтожая грызунов. Ладно, пусть тогда летает. Идет слоник в Африке. Зачем он просто так идет? Нельзя просто так ходить, пусть лучше перевозит нас и перетаскивает груз. Лежит, пардон, кашка на земле... Зачем она тут лежит? В чем ее польза? Надо ее водой разбавить и поля удобрить, пусть пользу приносит. Так и с людьми произошло. Человек идет по улице и улыбается – нужно выяснить, он полезный? Куда и для чего он идет? С какой целью улыбается? А я не хочу, что бы во всем был смысл. – сказал Овальд глядя в раскрасневшееся от солнца лицо девушки. – Вы сгорите скоро, может в тень отойдем?

– Мне незачем сохранять свою кожу, – улыбнулась девушка. – «облазить» в «капсуле» все равно не доведется. Знаете, а ведь изначально криоконсервация была платной. Неизлечимо больные люди платили деньги и добровольно ложились в «капсулу». Они надеялись, что со временем найдутся лекарства от их болезней и их разморозят для лечения.

– Ну да, как – будто больные люди нужны в любые времена и их давно забытые болячки будут интересны будущему поколению. Послушайте, у меня возникла идея! Этот старый крендель... ну дед Мороз, с которым мы в больнице разговаривали! Не знаю как его должность называется... – Пилот вновь почувствовал себя полным дураком, и посмотрел девушке в глаза, для того что бы убедиться, что ему не кажется, что он действительно полный идиот. Нет, не кажется. – В общем, он мне сказал, что перед заморозкой я имею право выбрать из категории «безработных» себе супругу. Вас поместят в фризкамеру и разморозят, когда будут оживать меня! Это же ваш шанс!

– Очень оригинальное предложение руки и сердца. Так романтично, наверное, еще никто предложение не делал на Земле... Вы добрый человек, Овальд. Но это, к сожалению, невозможно. Вы забыли, что браки «белых» и «желтых» рас запрещены законом, так как у таких пар рождаются «желтые» дети, которых и так много на планете. – с виноватой улыбкой сказала азиатка.

– Черт, даже тут кислород перекрыли. Знаете, глядя на вас, хотелось бы заплакать от бессилия... Но нам сделали закупорку слезных желез в летном училище, сказали, что слезы – это лишние эмоции и будут мешать зрению во время полетов. Оставили небольшие каналы только для увлажнения глаз. Лучше бы сейчас были слезы, чем это ужасное состояние непонятной тоски. Она повсюду – и в верхушках фальшивых деревьев, и в проносящихся с огромным шумом машинах, и в спешащих мимо безликих людях... Тревожная, не дающая свободно дышать, тоска... Хочется взять и нащупать где – то высоко, может быть в верхушках тех самых крашенных деревьев, краешек бумажного листа и перевернуть страницу. Перевернуть одну, другую и так, читая и листая мир, найти ту страницу, на которой больше не будет этой тоски. Только сомневаюсь: куда надо листать – вперед или назад? Куда угодно, только не оставаться на этой странице... Странице настоящего. Хотя, даже это не поможет. Страшно не то, что в нашем мире бывает плохое, а то, что оно обязательно повторится еще раз, через пару – тройку поколений. Так было всегда.

Девушка взяла Овальда за руку и потянула его в сторону реки. Уже темнело. Прохожих становилось все меньше, наступала пора, когда не нужно создавать иллюзию полезности. Люди перед сном могли спокойно пить спиртные напитки у себя дома в одиночестве, и хоть в пьяном сне ощущать себя свободными.

Двое в серой одежде, местами пропитанной зеленой краской, стояли на берегу. Девушка смотрела в воду, на отраженные звезды, и улыбалась.

– Почему – то сейчас вспомнились стихи, которые отец читал мне однажды. Я безграмотна, поскольку мне не разрешено было учиться, поэтому приходилось просить его читать вслух:

Мне страшно смотреть на звёзды
Они заставляют меняться.
Как птицами свитые гнёзда
В разброс в поднебесье томятся.
В небе ночном и спокойном
Звёзды безумно красивы!
Увы, их менять уже поздно,
Они от природы капризы.
Мы те же погасшие звёзды,
Да только лишь смотрим снизу.

Овальд тоже смотрел на звезды, но не на небе, а на отраженные в воде и в ее глазах. Смотрел, по-прежнему чувствуя себя полным идиотом и был счастлив. Счастлив даже в полной тишине, без слов.

– Все уже давно перешли на электронные или аудиокниги, – рассказывала девушка – но отец, всегда хранил только бумажные. Когда никого не было дома, я любила брать эти книги и рассматривать обложку, находить одинаковые буквы, мне нравился запах бумаги. Пыталась по ощущениям представить себе содержание книг и все время придумывала свои сказочные миры. Потом вечером приходил отец с работы и перед сном читал мне книгу, которая меня днем так заинтересовала.

Они стояли долго-долго. Иногда перекидываясь короткими, тихими фразами. Собирали мелкие камешки и кидали их в воду. Просто так, без всякого смысла.

– Знаете Овальд, очень хочется, что бы эта ночь длилась вечно. – сказала она держа его за руку. С самого детства я рисовала картины. Я брала кисть и начинала весьма посредственно рисовать. Есть художники, которые рисуют воду, другие рисуют огонь. Это красиво, но очень сложно для меня. Я всегда рисовала только звездное небо. Это очень просто, ведь его может рисовать даже ребенок. В нашем мире столько спутников и кораблей летает, что просто невозможно отличить, где находится звезда, а где какой-нибудь спутник. Наверное, тепло звезд можно почувствовать только сердцем. Я рисовала тысячи звезд похожих друг на друга. Уверена, что среди них не было спутников, это были именно звезды.

– А я не романтик. Я вот стою и думаю о том, что у меня не нужная профессия. Был бы я, например, каким-нибудь ученым, тогда бы я смог создать какой-нибудь страшный вирус, который уничтожил всех этих людей с мертвыми глазами. Тогда бы вас оживили спустя несколько лет, для того что бы заселить эту планету заново. Начать все с чистого листа.

– Вы не любите людей? – спросила она, как всегда улыбаясь.

– Нет, не люблю. И это взаимно. Потому я так и любил свою профессию. Есть возможность путешествовать одному в космическом корабле. Улетать в другие миры, за тысячи парсеков от Земли. И наблюдать за своим домом и своими соседями издалека, так они кажутся более привлекательны.

– Да, это замечательная работа. Жаль, что до сих пор человечество так и не нашло никакой жизни на других планетах. Очень хочется побывать в каком-нибудь другом мире. Хоть на секунду. – сказала девушка.

– У вас улыбка прекрасная. – Сказал Овальд и опять почувствовал себя кретином.

– Я часто улыбаюсь. Не знаю почему. Возможно, это потому, что я чужая в этом мире и всегда была тут гостем. Трудно объяснить, но почему-то туристы тоже часто улыбаются, попадая в другую страну, а дома ходят хмурые.

– Жаль, что я не могу угнать корабль и увести в подходящий для вас мир. Я не знаю, где он находится, да и не смогу угнать корабль. Я даже на космодром теперь без лицензии не смогу пройти.

Начинало светать. Прохожие, с помятыми лицами, опять побежали по своим делам, бросая взгляды на странную пару в испачканной одежде, стоящую на берегу реки. Звезды уже было слабо видно, но они продолжали смотреть на них.

– Ну вот и все, скоро десять часов, нам пора. – Сказала она.

– Нет. Пусть нас они сами ловят, зато лишний час можно побыть свободными. – Сказал Овальд, не отпуская ее руки.

– От этого никому не будет хорошо, Овальд. Твоих родителей лишат денег, если ты не пойдешь добровольно. Нам уже ничего не поможет, так сделай хоть что-то хорошее для них. Они будут гордиться тобой, зная, что когда ты проснешься через сотни лет, будешь приносить пользу.

Они шли к кабинету профессора Снейка медленно, пытаясь запомнить каждый шаг, пытаясь запомнить каждый глоток противного безбактериального воздуха.

– Моя профессия все-таки не так уж и бесполезна. – Сказал Овальд, по-прежнему держа ее за руку – Я отыщу планету, на которой может жить человек! Клянусь, я найду ее. Эту планету заселят людьми из «капсул». Когда тебя вынут из криокамеры, меня, скорее всего, не будет в живых. Но это не важно, главное успеть найти в какой-нибудь далекой галактике эту планету.

– Людей в «капсулах» слишком много, они все будут ждать твоего открытия. А до меня очередь все равно не дойдет, я ведь не везучая – сказала девушка улыбаясь.

– Тогда я найду огромную планету, в миллионы раз больше Земли, где всем хватит места. Если не будет такой планеты, залью хренову тучу азота на какую-нибудь звезду, что бы она остыла. Привезу этот кислый, искусственный воздух туда. Обещаю, ты будешь жить на своей планете.

– Ты точно не романтик, Овальд. Обычно девушкам обещают достать с неба звезду, ну в крайнем случае, метеорит с неба спустить, а не «залить хренову тучу азота на звезду». – Засмеялась она.

К ним подошли санитары и стали разводить в стороны, к разным кабинетам. Овальд понял, что он действительно идиот. За все время он так и не спросил ее имени.

– Как тебя зовут? – крикнул он срывающимся голосом.

– Мое имя Скай. Прощай, Овальд Чейз! Ты добрый человек, хоть и немного чудаковат. – Сказала она по-прежнему улыбаясь.

– Клянусь тебе, я найду ее, эту чертову планету и когда ты в следующий раз откроешь глаза, ты будешь находиться на планете с твоим именем, Скай. Обещаю тебе! – кричал Овальд, глядя в удаляющуюся спину маленькой, бесполезной девушке с черными азиатскими волосами.

Овальд лежал в открытой капсуле.

– При разморозке часть воспоминаний будет утеряна безвозвратно, поскольку ваш мозг будет сохранять только самые полезные воспоминания и навыки приобретенные за эти годы. Приятных снов, мистер Овальд.

– Пошел к черту, уважаемый мистер Снейк. Уверен, что в эти «не нужные» воспоминания, попадет ваша вечно потеющая физиономия. – Донеслось из закрывающейся криокамеры.

Овальд Чейз лежал и смотрел в маленькую камеру видеонаблюдения, висящую напротив его лица. Через нее будут следить за процессом его криоконсервации. Он знал, что на него сейчас смотрят и поэтому не отводил взгляд от нее. Его кулаки были сжаты. Резкая, шоковая подача азота моментально отключила его тело. Густые пары колкого, холодного азота, словно клубящимися кистями жадных рук, стали пробираться в его горло. Сделав вдох, рот остался приоткрытым и он прошептал: «Обещаю, найду планету Ска...». Его черные, мрачные глаза остались вызывающе открытыми на долгие годы. Он больше не отводил взгляд.

В это время, в другом помещении лежала девушка, с красным от загара лицом, закрытыми глазами и с милой улыбкой на неподвижном лице, а в уголках раскосых глаз застыли маленькие, соленые кристаллики.

Глава 2. Пробуждение

– А теперь закройте глаза, вытяните руки вперед и по очереди, то левой, то правой рукой дотрагивайтесь до кончика носа.

Овальд стоял в помятой, постоянно слегка влажной больничной пижаме и послушно выполнял все указания врача.

– Неплохо, неплохо... – бормотал себе под нос пожилой доктор, быстро заполняя данные в компьютере, даже не взглянув на пациента. – Моторная функция в порядке... Координация тоже. Активность мозжечка в норме.

– Меня скоро выпишут? – спросил Овальд, и замер в ожидании ответа.

Врач не спешил с ответом. Он неторопливо снял очки в элегантной оправе, покрутил их своими тонкими, сухими пальцами, затем, закрыл глаза и долго, мучительно тер вдавленные следы на переносице.

– Да. Ваш курс реабилитации после криоконсервации закончился. Вы вполне здоровы. Вот счет на оплату, – сказал врач и протянул квитанцию. – Вы можете оплатить наличными прямо сейчас или желаете оформить кредит?

– Конечно же, наличными. Сейчас, достану бумажник... – ответил Овальд, и демонстративно начал шарить рукой в воображаемом кармане пижамы. – Вот, черт! Забыл, наверное, в другом своем парадном смокинге...

– Ничего, ничего. Я подожду.

– Вы издеваетесь? Доктор, похоже, это не мне, а вам нужно активность мозжечка проверить.

Доктор надел очки и удивленно взглянул на пациента.

– Послушайте, меня законсервировали на сорок семь лет. Меньше суток, как разморозили. Откуда у меня могут быть деньги? Я даже не знаю, какая валюта сейчас используется!

– Таковы правила. Это обычный, формальный вопрос. Что бы оформить кредит – пройдите до конца коридора и поверните налево. Всего доброго.

– А как же насчет бесплатной медицины?

– Она когда-то была бесплатной? – удивленно спросил врач.

– Ну, раньше хотя-бы делали вид, что она бесплатная... Послушайте, – возмутился Овальд, глядя на предъявленный счет – меня принудительно подвергли криоконсервации и теперь вы мне предъявляете счет за хранение моего тела, разморозку и реабилитацию? Откуда я мог знать, что меня спустя долгие годы загонят за это в долги?

– Незнание закона, не освобождает от ответственности. Это ваши проблемы. Наша частная клиника не причастна к вашим личным проблемам. Обращайтесь к тому, кто непосредственно проводил процедуру криоконсервации.

Овальд тяжело выдохнул и положил квитанцию обратно на стол.

– Доктор, а у вас лопаты не найдется?

– Что, простите?

– Лопаты. Можно даже в аренду. Ну, мне же нужно чем-то откапывать того толстяка, который меня замораживал сорок семь лет назад. Не думаю, что он дожил до этих дней, он и раньше-то плохо выглядел. Вопросов много у меня к нему накопилось, хоть он и не разговорчивый теперь.

– Перестаньте паясничать, молодой человек.

– Доктор, прошу вас, заморозьте меня обратно. Если я тут не нужен, значит, буду ждать другое время, где я буду нужен.

– Это платная процедура. Оформите кредит и оплатите услугу, затем, когда вы погасите задолженность – милости просим к нам.

Овальд замолчал, ожидая сам не зная чего. Ему нужна была помощь. Нет, не материальная помощь, а хотя бы обычная, ничего не значащая словесная поддержка.

– Всего доброго, больше помочь вам ничем не могу. У меня работы много, – холодным тоном сказал доктор, и нажал на кнопку вызова следующего пациента.

Пилот вышел из кабинета и, осмотревшись, не заметил ни одного пациента. Ухмыльнувшись, он отправился в кредитный отдел, который, как сказал доктор, находился в конце коридора. Ему некуда было спешить, поэтому шел неторопливо, шлепая безразмерными махровыми, засаленными больничными тапочками.

Подойдя к двери, на которой висела фанерная табличка в виде купюры с надписью: «Кредиты тут», Овальд деликатно постучался и приоткрыл дверь.

– Здравствуйте, можно? – спросил он, так никого и не увидев в образовавшуюся щель.

– Ждите! Я сама позову, когда освобожусь, – ответил ему визгливый женский голос.

Выждав примерно двадцать минут, он снова приоткрыл дверь и просунул голову.

Возле окна в роскошном, кожаном кресле сидела типичная бизнес-леди стержневой внешности, которая для более умного вида нацепила на самый кончик носа очки. Закинув одну ногу на стол, и отвратительно растопырив корявые, с распухшими суставами пальцы, она сосредоточено орудовала пилкой для ногтей.

Он без разрешения вошел в просторный кабинет. Подойдя к ее столу, Овальд присел на низкую деревянную табуретку и сложил руки на коленях.

Женщина скинула ногу со стола и заерзала в кресле, пытаясь под столом надеть снятую туфлю.

– Что вы себе позволяете? Я вас не приглашала! – противно растягивая гласные буквы, возмутилась она.

– Я вас тоже, – спокойным тоном заметил Овальд.

– Слушаю. – Прогнусавила женщина, глядя со своего трона сверху вниз, на неловко скрючившегося клиента.

– Это я вас слушаю. – ответил Овальд, глядя на кружащихся ворон в окне, за спиной у дамы.

Она явно не привыкла к подобному обращению и даже слегка растерялась.

– Вы за кредитом пришли?

– Нет, просто решил на табуретке посидеть в вашем обворожительном обществе, как мне и прописал доктор.

– Что? Вы хоть понимаете, где вы находитесь? – повысила обороты в голосе женщина.

– Я знаю только то, что я в больнице. Ну и еще знаю, какой сейчас год. Все остальное я хочу услышать от вас.

– Понятно, очередного нищebroда из заморозки достали. Давай свой счет на оплату, сейчас оформлю кредит, – сказала женщина и недовольно протянула руку.

Овальд заметил, что как только она узнала, откуда он – быстро перешла на неуважительное «ты».

Овальд продолжал смотреть в окно, притопывая ободранным тапком по кафелю.

– У меня его нет.

– Тебе его не дали?

– Я его не взял.

Картинно закатив глаза к невидимым Богам на небесах, женщина покачала головой. Затем, двумя указательными пальцами с длинными ногтями, стала медленно набирать текст на сенсорном столе.

Пилот терпеливо ждал. Смотреть на кружащихся за окном черной тучей ворон надоело, поэтому он начал рассматривать грязные, мутные разводы на стекле, которые напоминали древнюю географическую карту, со своими возвышенностями и пересохшими руслами пере-

плетных рек. Даже размазанная по стеклу засохшая муха удачно вписывалась в окружающий ландшафт. Казалось, что она схематически указывает на место обитания живых существ в этом высохшем, грязном мире.

Внезапно он почувствовал странную вибрацию под кожей в левой кисти руки.

Закончив оформлять документы, женщина сунула ему пластиковую карту.

– Держи. Кредит на двести пятьдесят тысяч долларов – сумма солидная, поэтому настоятельно рекомендую погасить как можно скорее.

Овальд взял дисконт и спросил:

– А на кого вы оформили кредит? Я даже имени своего не назвал.

– Ты, видимо, не знаешь, что тебе вшили под кожей идентификационный чип, благодаря которому можно отследить твое местоположение и баланс электронного лицевого счета, – объяснила женщина. – Так что имя твое не важно, все равно достанем и везде найдем! А этот дисконт – просто напоминание о кредите.

– И что мне теперь делать? У меня нет ни работы, ни денег и даже одежды...

– Для этого существуют магазины и центр занятости населения. Все, ты свободен – закончила беседу сотрудница кредитного отдела и взяла в руки пилку для ногтей.

Шел мелкий, осенний дождь. Человек в перепачканной грязью больничной, полосатой пижаме шел по улице, шлепая махровыми тапочками по лужам. Овальду казалось, что это не лужи мочат его разбухшие, тяжелые махровые тапочки, а он сам добавляет в лужи воду. Прохожие пугливо шарахались от него в сторону.

Местности он не знал. Несколько раз он пробовал узнать у людей о ближайшем магазине одежды, но ответа не получал. Было все равно куда идти. Пару раз он наткнулся на супермаркеты, но бдительная охрана не пускала его.

Овальд шел и внимательно читал вывески, на которых крупными буквами указывалось, для какой категории людей предназначены товары. Все магазины делились на «Для малоимущих» и «Для состоятельных.»

Наконец, он нашел какой-то обшарпанный магазин одежды расположенный в маленьком сквере. Сгорая от стыда, он долго вытирал ноги о коврик на пороге.

– Добрый день! – Приветливо улыбаясь, подскочил к нему молодой продавец.

– Здравствуйте! – Простучал зубами Овальд, только сейчас почувствовав, как же он замерз.

– Чем могу помочь? Одежду подобрать? Обувь или что-то еще желаете? – затараторил продавец, глядя на грязные следы, которые оставлял за собой посетитель.

– Захотел обновить гардероб. Мне кажется, в следующем сезоне мой костюм уже не будет в тренде. Вы в кредит продаете? – смущенно спросил Овальд, мысленно желая провалиться сквозь землю.

Утвердительно кивнув головой, продавец юркнул на склад и принес кучу тряпья.

Зайдя в примерочную, Овальд быстро отобрал черные джинсы, красную футболку с непонятным гербом на груди, черную непромокаемую куртку и кроссовки. Нижнего белья продавец ему не принес, поэтому желая поскорее уйти отсюда, он не стал звать его. Ограничился больничными кальсонами.

– Вам очень идет! – Сказал улыбающийся продавец, когда Овальд вышел из примерочной.

– Спасибо. Можете все это оформить?

– Конечно. Желаете приобрести что-то еще?

– Нет, спасибо.

– Дисконтная карта нашего магазина есть?

– Нет.

– Желаете приобрести?

– Нет.

– Зря, на джинсы была бы скидка три процента...

– Переживу как-нибудь.

– А карта-копилка есть?

– Нет.

– Желаете приоб...

– Нет!

– Возьмите буклет с нашими новыми коллекциями...

– Нет.

– Кстати, покупая в нашем магазине одну пару обуви – на вторую пару вы получаете десятипроцентную скидку – не сдавался продавец.

– Послушайте, вы можете просто продать мне вещи? Только те вещи, которые я выбрал. Мне ничего больше не надо! Просто продать! – Теряя терпение, попросил Овальд.

– Да, да конечно. Я уже почти закончил... – сказал продавец, оформляя кредит на маленьком, компактном планшете.

Овальд почувствовал, как под кожей на руке опять завибрировал чип.

– Готово. Кредит на сумму тридцать пять тысяч долларов выписан. Настоятельно рекомендую погасить его в ближайшее время.

– Спасибо.

– Может, хоть в нашей беспроигрышной лотерее поучаствуете? – как-то растеряно заговорил продавец, протягивая сверток с пижамой Овальду. – Еженедельные розыгрыши призов. Стоимость одного билета...

Овальд обреченно махнул рукой и пошел к выходу.

– А ваша пижама? Вы забыли ее!

– Оставьте себе, уверен, что в качестве приза для лотереи пригодится – не оборачиваясь, сказал Овальд, и вышел за дверь.

На улице продолжал идти противный, мелкий дождь. Выйдя из магазина, Овальд вышел на широкую улицу и медленным шагом пошел по ней, разглядывая свой родной и в то же время чужой город.

Овальду всегда казалось, что если попадешь в будущее, то жизнь там будет радужней и прекрасней. Так легче было жить, внутренне настраивая себя на то, что хоть твои потомки проживут нормальной, человеческой жизнью. Он шел и не узнавал город. Повсюду были грязь, мусор и слякоть. Небо было темным не от тяжелых туч, а от тысячи кружащих живым смерчем ворон. Часто попадались вполне прилично одетые люди, которые рылись в мусорных контейнерах. Буквально на каждом шагу были ломбарды. Они были и в бизнес центрах, и в магазинах, подвалах, на цокольных этажах. Повсюду. Овальд всегда считал, что благополучие города можно определить по количеству ломбардов. В России их всегда было много, но сейчас их было просто запредельное количество.

Решив немного передохнуть, он присел на ближайшую скамью возле супермаркета. На соседних скамьях сидело множество людей, которые, несмотря на скверную погоду, зачем-то сидели под морозящим дождем, уткнувшись в мобильные телефоны.

Овальд заметил двух девочек, лет шестнадцати, одетых в желтую, летнюю униформу, которая была явно не по сезону. Короткие бриджи, легкие курточки и накладные кошачьи ушки на голове. Наверное, по задумке модельера, эти ушки должны были придавать девочкам непосредственный и шустрый вид... Но ушки размокли от дождя и повисли на головах разбухшими, грязными варениками.

Они раздавали кошачий корм. Стеснительно подходили к людям и предлагали взять буклет и крошечный пакетик кошачьего корма, который они доставали из теплых, замшевых рюкзачков. Эти рюкзаки были единственной теплой вещью в их униформе. Девчонок трясло от холода, но они не могли покинуть рабочее место, поскольку рядом на обочине в машине сидел здоровенный детина и наблюдал за ними. Когда они начинали смущаться и делать что-то не так, то мордovorot, сидящий в машине, начинал звонить им на мобильный телефон и отчитывать их.

Видимо, Овальд был мало похож на кошатника, поскольку они не замечали его. Он долго сидел и наблюдал за происходящим. Когда девочки подходили к людям, то в глазах прохожих возникало алчный блеск бесплатной наживы. Но когда им со стучащими от холода зубами начинали рассказывать о кошачьем корме, то их интерес моментально пропадал. От кошачьего корма людям было мало прока. Акция была на грани провала. Мордovorot все недружелюбнее смотрел из машины.

Овальд долго сидел и смотрел на происходящее, погруженный в свои мысли. Когда одна из девочек проходила мимо него, очередной раз не обратив внимания, он встал со скамьи и сам подошел к ней.

– Здравствуйте, что раздаете? – с улыбкой поинтересовался Овальд, делая вид, что не знает о чем пойдет речь.

– З-з-дравствуйте, – ответила она, дрожа от холода и волнения. – М-м-ы предлаг-г-гаем корм для кошек «Китиф-ф-уд».

– Не волнуйся ты так, – ровным тоном посоветовал ей Овальд. – И что, хороший корм?

– Д-да, в нем с-собраны все полез-зные ингредиенты для в-вашего питомца – заучено стала рассказывать девочка, перепрыгивая с одной ноги на другую, что бы хоть как-то согреться.

Овальд слушал ее и, приветливо улыбаясь, согласно качал головой, делая вид, что очень внимательно ее слушал. На самом деле его мысли витали где-то очень далеко от этого поганого места.

– Отборное м-мясо, об-бжарено до хрустящей короч-ч-ки. Вот, в-в-возьмите. – Сказала она, покраснев от стыда, и протянула ему пакетик с кормом.

– Спасибо большое.

– А к-к-какая у вас кошка? Я просто з-забыла сказать, что нельзя им кормить некоторые породы кошек, – спохватилась девочка и разволновалась еще больше.

– Видимо, там действительно свежее и очень хорошее мясо. Все хорошо. У меня нет кошки.

– Т-тогда зачем вы взяли корм?

– Все равно не поймешь. Удачного дня тебе.

– С-с-спасибо. – Сказала растерянная девочка, вслед уходившему мужчине.

Он отошел дальше по улице и выкинул подаренный презент в переполненную мусором урну. Мрачно ухмыльнулся своим мыслям и пошел дальше.

Проходя мимо какого-то, смутно знакомого, здания он остановился. Пройти дальше мешал высокий сетчатый забор, поэтому приходилось разглядывать издали. Название улицы было ему не знакомо, окружающие строения тоже. Но, что-то было в нем знакомое и очень близкое сердцу. Вот только что?

Он прошел мимо КПП, и, зайдя по левую сторону от здания, Овальд мельком оглянувшись на прохожих, высоко подпрыгнул, и, взявшись руками за верхнее основание забора, легко перемахнул через него. Он приземлился, украсив падение неуклюжим перекатом через спину по мокрой, грязной траве.

Озираясь, он поспешил к главному входу здания.

Возле главного входа висела табличка с надписью: «Летное училище №11». Теперь для Овальда все стало на свои места. Хоть и название улицы переименовали и само училище тоже, но все равно он его узнал. В этих стенах он провел долгие шесть лет обучения пилотированию. Казарменных барачков, в которых он жил, теперь уже больше не было. На их месте стоял фонтан, в виде космического корабля, у которого из-под нижних дюзов бешено била и бурлила пенная вода, создавая ощущение, что корабль сейчас взлетит.

Прекрасно понимая, что посторонним вход в училище строго воспрещен, Овальд не удержался и все же вошел. Никакой охраны не было, поэтому он спокойно стал прогуливаться по родному когда-то училищу.

Войдя в одну из аудиторий, Овальд увидел молодого парня, примерно его лет, который сидел в удобном кресле и смотрел в огромный монитор. Подойдя поближе Овальд увидел, что этот парень не просто смотрел на экран, дебилно приоткрыв рот, но еще и держал в руке джойстик, которым управлял своим виртуальным кораблем, якобы бороздящим бескрайние просторы вселенной.

Увлечшись управлением симуляторного корабля, студент даже не заметил Овальда, который встал за его спиной и внимательно наблюдал за происходящим.

– Вам нравится наш новый симулятор? – неожиданно спросил Овальда старческий, слегка шипящий мужской голос.

– Нет, – сделав вид, что не испугался неожиданности вопроса, ответил Овальд, не обращаясь. – Все симуляторы бесполезны. Во время полета самое важное не терять концентрацию. Когда на сверхзвуковой скорости летишь, то испытываешь страшные перегрузки, и самое главное в пилотировании – это не то, как ты виртуозно управляешь кораблем, а то, как ты справляешься с перегрузками. Голова отказывается думать, в глазах темнеет, давление поднимается такое, что чувствуешь себя раздутым воздушным шариком... Самое главное не сдаться в этот момент. А этот ваш симулятор, просто бесполезная игрушка.

– Тогда зачем вы так внимательно смотрите вот уже десять минут? – опять спросил все тот же голос, но уже заметно ближе.

– Жду, когда покажут мультик.

– Какой мультик?

– Ну, во всех глупых компьютерных играх, где нет никакого сюжета и смысла, принято считать, что если пройдешь все уровни, то в конце покажут короткий мультик. Брехня конечно, но это создает хоть какую-то интригу и интерес.

Его невидимый собеседник засмеялся кашляющим смехом, после чего спросил:

– А вы с какого курса, молодой человек? Я вас что-то не припомню.

– Я уже закончил это училище. – Ответил Овальд и повернулся к собеседнику.

На него смотрел худощавый, седовласый, низкорослый старик в сером, затертом на локтях до лоска костюме. Лицо его было украшено седой и очень редкой бороденкой. Взглянув на Овальда, лицо старика стало белеть. Он судорожно приложил руку к левой стороне груди и начал медленно оседать на пол. Овальд подхватил его под мышки и подтащил к кожаному диванчику, который стоял в углу.

– Эй, парень! Вызывай скорую! – Крикнул Овальд студенту, который продолжал управлять не существующим кораблем, приоткрыв рот напряжения.

Студент отвлекся от виртуального путешествия и уставился на Овальда.

– Человеку плохо, не видишь что ли?

Парень нерешительно задрал рукав летной куртки и отстегнул тонкий браслет с запястья руки. Затем очень медленно стал что-то набирать на браслете, периодически поглядывая на старика.

– Ты быстрее можешь? – раздраженно поинтересовался подошедший к нему Овальд.

– А кто вызов оплачивать будет?

- Да какая разница, кто оплатит! Давай скорее!
Студент, испугано вращая глазами, смотрел то на Овальда, то на лежащего старика.
Овальд выхватил у него браслет и приложил к уху.
– Доброго времени суток, – услышал Овальд приятный мужской голос из динамика браслета. – Вы позвонили в службу скорой помощи, номер лицензии: двадцать три, сто сорок два, восемьсот пятьдесят четыре. Датирована от...
– Здравствуйте – резко перебил собеседника Овальд. – Тут человеку плохо! Срочно приезжайте!
– Какому человеку? – удивленно спросил сотрудник «скорой».
Овальд опешил от такого вопроса.
– Откуда я знаю. Старику какому-то плохо...
– Назовите его идентификационный номер, что бы мы могли проверить его платежеспособность.
– Что? Вы в своем уме? Приезжайте, я сам вам наличными оплачу выезд! Только быстрее! – соврал Овальд, поскольку наличных у него не было.
– Ваше имя?
– Да причем тут мое имя?!
– Ну, мы же должны знать, кто будет оплачивать счет за медицинскую помощь... – рассудительно объяснил голос из динамика.
– Овальд Чейз. Быстрее, пожалуйста! – Сказал Овальд, нервно расхаживая кругами по аудитории.
– Разумеется. Какой класс обслуживания желаете заказать? Люкс, средний или может быть эконом?
– Да хоть что-нибудь! Хоть телегу запряженную ослом! Только скорее!
– Хорошо, оформлю средний класс. Диктуйте адрес.
Овальд вопросительно взглянул на курсанта, который слушал внимательно весь разговор. Парень застенчиво улыбнулся ему в ответ.
– Ты что – debil? – спросил студента Овальд.
Тот ничего не ответил ему, что-то мысленно ворочая в своей голове.
– Что, простите? – удивленно спросил голос из динамика.
– Это я не вам. – Ответил Овальд оператору скорой помощи. – Хотя, и вам тоже подходит...
На диванчике зашевелился старик, делая вялые попытки присесть.
– За оскорбление сотрудника медицинской службы при исполнении, на вас возлагается штраф в размере...
– Дай Бог вам здоровья. – Перебил невидимого собеседника Овальд, и нажал на маленькую красную кнопку в браслете.
Овальд вернул телефон курсанту и подбежал к старику.
– С вами все в порядке? – спросил Овальд, присев на корточки возле дивана.
– Да. Вроде бы отпустило... – ответил старик, прислушиваясь к внутренним ощущениям. – Такое часто у меня бывает, ничего страшного.
– Вот и славно. – Сказал Овальд, чувствуя, как нервное напряжение по нему спадает. – Я, конечно, знал, что я очень эффектный мужчина... Но не до такой же степени!
Старик вяло улыбнулся, внимательно рассматривая Овальда.
– Спасибо тебе, Овальд.
– Да я ведь и не сделал ничего... Стоп, а откуда вы меня знаете? – удивился Овальд. Когда он называл свое имя оператору медицинской службы, старик явно не мог слышать его, поскольку он находился далеко и был почти без сознания – Тайный поклонник?
– Не узнаешь?

– Нет.

– Да, я сильно изменился за эти годы. А вот ты такой же и остался... Благородный хам, каким и был раньше.

Овальд внимательно смотрел на лицо старика, но не узнавал его. Его глаза были смутно знакомы... Но вот все остальное – нет.

– Я – Верден Хак. Помнишь такого? Учились вместе, спали в одной казарме, вместе летали во время практических занятий... – сильным голосом объяснил старик.

Такого поворота событий Овальд никак не ожидал. Когда он очнулся после криоконсервации, то конечно же вспоминал о родителях и друзьях. Но он даже мысленно не мог предположить, что кто-то из них все еще жив, спустя столько лет.

Наверное, Овальд даже мог назвать Вердена своим другом, если бы не боялся этого слова. Значение слова «друг» обязывает к обязательному общению и регулярным совместным развлечениям. Овальду всегда нравилась свобода выбора. Он редко кого мог назвать другом, и даже как-то стыдился когда его самого так называли.

– Профессор Верден, я сдал зачет? – тихо напомнил о себе курсант.

– Да, да... Конечно. – Устало проговорил Верден. – У вас прекрасные навыки пилотирования. Ставлю вам высший балл. Можете идти.

– Всего доброго. – Сказал студент и покинул аудиторию.

Овальд присел на край дивана и спросил Вердена:

– Он же бездарь. А ты ему «высший бал» ставишь?

– И как ты определил, что он бездарь? – спросил Верден, и опять устало прилег на диван.

– Может все-таки врача вызвать? – встревожено спросил Овальд, и получив отрицательный ответ, начал объяснять. – Этот малец растерялся, увидев, как ты корчишься от сердечного приступа. Любой пилот должен сохранять трезвый рассудок в даже не значительной экстремальной ситуации. Ведь возможно случиться такое, что корабль потеряет управление при посадке и пилоту в последние секунды своей жизни нужно с холодным расчетом сделать так, что бы взрыв от рухнувшей ракеты принес как можно меньше вреда людям. А этот твой отличник, потерял дар речи даже от того, когда я повысил на него голос. Он безнадежен.

– Возможно, ты и прав. Вот только он лучший студент на потоке. Видел бы ты остальных.

– Совсем все плохо? – поинтересовался Овальд.

– Некоторые даже теряют сознание, глядя в монитор. А есть кадры, которые закатываются в приступе эпилепсии. – грустно махнул рукой Верден.

– Да уж, действительно ценные кадры. А какой смысл таких учить?

– За них платят деньги. Это частная школа, поэтому мы обязаны обучать любого.

Овальд почувствовал нервную вибрацию чипа под кожей. Видимо, сотрудник скорой помощи все же обиделся на него и выписал ему штраф.

Вердену, судя по всему, стало заметно лучше. Его лицо приобрело, наконец, человеческий цвет кожи. Сидел он свободно, лишь иногда прикладывая руку к сердцу, как бы вслушиваясь в него.

– Знаешь, Овальд. Смотрю я на тебя и даже в душе помолодел! Как-будто я сейчас очутился в училище и сижу с тобой беседую в перерыве между занятиями. Спасибо тебе, за то что ты появился именно сейчас.

– Я тоже рад тебя видеть именно сейчас. – ответил Овальд. На самом деле, конечно жеон был рад увидеть старого приятеля, но как-то тяжело было видеть его в таком состоянии. По ощущениям Овальда, он видел Вердена пару дней назад... ну максимум неделю. А теперь перед ним сидел дряхлый старик, который когда-то был его приятелем. Он думал о том, что и он сейчас быть не молодым двадцати четырех летним парнем, а такой же кашляющей развалиной. А может быть и откашлялся совсем к этому времени.

– Послушай Верден, как ты работаешь с таким-то здоровьем? Надо же реально оценивать свои возможности. Сидел бы дома и пил чай из блюдца укрывшись теплым пледом. Или ты хочешь почувствовать себя не заменимым на этой работе?

– Да плевал я на эту работы. Гори она в аду... – грустно ответил Верден. – Работаю только для своих детей и внуков. Видишь ли, на мне висят кредиты в общей сложности на пять миллионов долларов... Если я уйду на пенсию или умру – то мой долг распределится на всех членов моей семьи. Хочу успеть выплатить как можно больше своими силами, что бы им легче жилось после меня...

– Я примерно уже понял, как устроена нынешняя жизнь. Но как же ты смог залезть в такой бешеный долг? Любил красивую жизнь?

– Нет, я всегда жил скромно. – Начал рассказывать Верден, слегка трясущейся, костлявой рукой глядя бородку. – Понимаешь, после того как начали за рождение каждого ребенка выплачивать «материнский капитал» – то люди с радостью восприняли это и начали плодиться как кролики. Вот только потом правительство объявило, что все выданные деньги будут записаны в долг на счет их же детей... Понимаешь??? Ни в чем не повинные дети рождаются уже с долгами! Практически рабы, без права на свободное существование. Потом стартовала федеральная программа «Ребенок из пробирки». Людей, которые не хотели заводить детей, призывали сдать генетический материал для продолжения рода. «Детей из пробирки» выращивают в специальных государственных интернатах, дают им образование... А потом этим детям выставляют счет. За рождение, за каждую лекцию в институте, за каждую выданную соевую котлету в интернатской столовке, за каждую поставленную прививку. За все разом. Ничего не забывают. Родители, сдавшие генетический материал за очень скромную плату, даже не знают о существовании своих детей. Их потомство рождаются рабами, хоть они теоретически и являются свободными гражданами. Я хотел, что бы мои дети были счастливы, поэтому мы с женой сами их родили, вырастили и дали образование. У них не было этих врожденных долгов, как у большинства. Потом умерла моя жена и это финансовое бремя теперь волоку я один.

Овальд сидел и внимательно слушал старика. Он помнил его молодым бесшабашным парнем. И даже подумать не мог в то время, что в этом человеке окажется стальной, не сгибаемый стержень.

– Знаешь, Ови, – Верден неожиданно назвал его сокращенно, как раньше называли только родители. – ты не поверишь, но никто из нашего потока так и не полетел в космос. «Байканур» закрыли, практически все программы «НАСА» отложили в долгий ящик. Отправлять спутники гораздо дешевле и безопасней... На людей им всегда было плевать, они больше боялись шумихи раздутой журналистами из-за какой-нибудь катастрофы, в результате которой погибали несколько пилотов. Большинство пилотов, которых отправляли в разведывательные экспедиции в другие галактики, не возвращались... Нас всех вынудили заниматься другой работой не связанной с космосом. Многие смирились с этим, а я не смог. Сначала работал обычным пилотом на авиалайнерах. Перевозил туристов, пока не захотел посмотреть на нашу планету с высоты мезосферы. Самолет обледенел не достигнув запланированной мною высоты и начал падать... Я все же смог совершить благополучную посадку. Никто не пострадал в итоге, но от полетов меня отстранили пожизненно. Я так и не увидел НАСТОЯЩЮЮ Землю своими глазами. Видео и фото снятые со спутников – не передают всей красоты нашей планеты. Глупо конечно все это, но это была моя мечта. Больше я никогда не летал, а только учил пилотированию курсантов.

– А я еще завидовал вам раньше, когда узнал что буду законсервирован. У меня есть хоть какой-то шанс стать полноценным пилотом. Не зря же они меня разморозили все-таки?

– Они тебя оживили не для этого. Сейчас назревает военный конфликт со странами из ближнего востока. Пока все пытаются решить переговорами, но шансы на благополучный

исход слишком малы. Армия теперь контрактная, поэтому платить волонтерам солидное жалование не выгодно государству. Тебя просто вгонят в финансовые долги, а потом ты сам, добровольно, побежишь в первых рядах на врагов со знаменем в руках. А если не захочешь отработывать деньги – тебя разберут на органы и погасят долг. Все просто. Ты молодой, поэтому ты нужен им в любом состоянии. А вот я уже старик, меня даже на органы не принимают. Я пытался уже...

– Вот как. А я все голову ломал, почему я живой, но никому нет дела до меня.

– Тебя заметят, когда ты им понадобишься. Вот, держи. – Верден протянул ему визитку с адресом. – Это реквизиты одного влиятельного человека. Он купит твои долги и предоставит тебе работу. Поможет тебе хоть как-то остаться на плаву. Решит проблему с жильем и другими бытовыми трудностями.

– Спасибо, Верден. Ты мне подарил хоть какой-то смысл для существования. Теперь мне хоть легче стало. Так сказать знаю, что задумал враг.

– Извини, у меня через пять минут лекции начинаются... – сказал Верден, раскачиваясь на диване, что бы встать на ноги с первой попытки.

Овальд протянул руку для того что бы помочь старику подняться, но Верден сделав вид что не заметил этого жеста, упер руки в колени и резко поднялся. На секунду застыл на месте, как бы мысленно проверяя все свои запчасти.

– Я поеду сейчас же к этому человеку. – глядя на визитку, сказал Овальд. – Еще увидимся?

– Конечно. Если с жильем будут проблемы – обращайся. Я один живу, дети давно разъехались кто куда. Квартира маленькая конечно, но мы же все-таки бывшие пилоты и бытовые неудобства нам не страшны.

– Пилоты бывшими не бывают. До встречи. – Сказал Овальд и протянул руку для рукопожатия.

Овальд покинул здание училища и беспрепятственно прошел мимо КПП.

Обратившись к прохожему мужчине, он узнал, где находится улица Генвонда, на которой проживал его таинственный спаситель, который с радостью ему поможет с кредитами. Оказалось, что улица располагалась совсем не далеко от авиакружка, в который он ходил в детстве.

Дождь на улице уже закончился. Овальд взглянул на небо, в надежде увидеть радугу, но ее там не оказалось. Тяжелые, свинцовые тучи густой завесой продолжали мрачно плыть над землей.

Быстро шагая по улице, Овальд мямля в кармане куртки пластиковую визитку. Наконец-то у него появилась цель в новой жизни. Ничего позитивного от встречи с этим «решателем всех его проблем» он конечно же не ждал. Но на душе стало легче даже от того, что он осмысленно может идти по улице...

– Эй, парень! Сделаешь доброе дело? – внезапно окликнул его мужской голос.

Овальд обернулся на голос. К нему обратился торговец лавки, в которой было огромное множество клеток с маленькими, разноцветными птичками.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросил Овальд, подойдя к прилавку.

– Мне? Нет, конечно... – удивился торговец.

– Тогда о каком добром деле вы меня просили?

– Парень, ты что с луны свалился?

– Можно сказать, что и так. А в чем дело-то? – совсем растерялся Овальд.

– Ты сегодня уже сделал доброе дело?

Овальд всерьез задумался, вспоминая сегодняшний день. Сначала он нахамил врачу, потом помешал наводить педикюр работнице кредитного отдела. Назвать «дебилом» курсанта и сотрудника скорой помощи – явно не являлось добрым делом. И даже то, как он подарил грязную пижаму продавцу в магазине, было тоже больше похоже на унижение, чем на пода-

рок... Помочь Вердену тоже не удалось – старик сам нашел в себе силы остаться в этом мире. Так что сегодняшний список подвигов и добрых дел у него был пуст.

– Нет. – честно ответил Овальд.

– Тогда покупай птичку. Всего два доллара!

– Что-то я никак не улавливаю связи в нашем разговоре...

Стоявшая рядом молодая девушка купила маленькую, алого цвета птичку и держала ее за ленточку, которая изящным бантом связывала тонкие лапки.

– Вы наверное не местный и не знаете наших традиций? – спросила она у Овальда.

– Нет, не знаю. А зачем вам эта птица?

– Видите ли, эта традиция пришла в нашу культуру от древних тайцев! – с воодушевленным придыханием начала объяснять девушка, артистично жестикулируя руками, в результате чего, птичка в ее руке болталась безвольной игрушкой. – Знаете, почему Таиланд всегда назывался «страной улыбок»?

– Наверное, потому что эта страна долгое время была главным поставщиком наркотиков? – съязвил Овальд, наблюдая за полуобморочной птичкой в ее руке.

– Ну что вы! Нет конечно! Обязательно, каждый день, нужно делать хотя бы одно доброе дело, которое избавит тебя от всех грехов сделанных за день. Те, кто не успевает сделать доброе дело за день – покупает таких вот птичек и выпускает их на свободу. И тебе хорошо, и птичке тоже.

Овальд еще раз внимательно посмотрел на пернатого зверька, болтающегося в ее руках. Было не очень похоже, что птичке было столь же хорошо, как покупательнице. Казалось, что если бы ярко красные перья не скрывали кожицу, то птичка сейчас была бы зеленоватого оттенка.

– Я вижу, вы неплохо разбираетесь в тайской культуре... Скажите, а вы знаете про их народное фирменное блюдо? – поинтересовался Овальд, чувствуя, что уже начинает заводиться.

– Вы имеете в виду «креветки в кляре по-тайски»?

– Нет, я про «обезьяньи мозги по-тайски». Это когда обезьяне бреют голову на лысо, затем, садят ее под обеденный столик, в котором есть прорезь для головы. Вставляют кляп ей в рот, что бы она своими визгами не портила аппетит доброжелательным тайцам. И раскалывают череп, заживо поедая ее мозг... А после такого ужина, тайцы тоже делают доброе дело и ходят с улыбкой на лице...

– Ты как-то мрачно на все смотришь! Нельзя же так! – возмутился торговец лавки. – Даже если ты не веришь в очищение грехов, то можешь просто купить ее и отпустить для облагораживания города.

– Если для облагораживания города... Тогда почему у вас в небе только вороны кружат? – спросил Овальд, наблюдая, как торговец и девушка задрали головы к небу.

– Их тут нет... Э-э-э... Наверное, потому что они сейчас улетают в теплые края. – предположила девушка, смотря в небо с приоткрытым ртом.

– Ага, самое время лететь на юг... Кстати, а какой сейчас месяц?

– Ноябрь. – Чувствуя какой-то подвох, ответила девушка.

– Ноябрь. Самое время для перелета... Лететь им придется очень быстро, потому что ночью в такое время года уже заморозки. А вы никогда не задумывались о том, что чем больше вы покупаете этих зверьков, тем все больше их будет отлавливать для продажи этот тип? – спросил Овальд у девушки, указывая кивком головы на торговца.

– Но-но-но! Ты либо покупай, либо вали отсюда. – угрожающе повысил голос торговец, всеми силами пытаясь сделать вид, что сейчас выйдет из-за прилавка и тогда Овальду не поздоровится. Он был не глуп, и понял, что из-за этого зеваки, который судя по всему и не собирался ничего покупать, его безупречный бизнес может потерять одного постоянного клиента.

Пилот остался стоять на месте и вызывающе смотрел в глаза торговца. Лавочник не выдержал и отвел взгляд в сторону.

Потеряв всякое желание продолжать беседу, дамочка развязала лапки птички и подкинула в воздух. Мечтательно глядя ввысь, девушка пыталась проследить за своим новоиспеченным порхающим в небесах питомцем... Но птичка, после того как ею махали как дирижерской палочкой во время беседы, сейчас барахталась в грязной луже с вывернутым крылом.

– Какая-то она бракованная у вас оказалась! – развернувшись всем корпусом и уперев руки в бока, возмутилась девушка.

– Извините пожалуйста, вот вам замена. – Сказал торговец и суетливо достав из-под прилавка другую такую же красную птицу, вручил ее.

Овальд не стал дожидаться запуска второго «доброе дело». Подошел к луже и наклонившись, с неловким треском в коленях, выловил рукой барахтающуюся пташку, затем вернулся и пошел по улице.

– Стой! А деньги?! Вор! Я же тебя сейчас догоню! – Кричал вслед лавочник, опять делая вид, что он действительно хочет приблизиться к Овальду.

– Только попробуй. Я тебе твой нимб на уши натяну... – не оборачиваясь, ответил пилот.

Овальд шел и разглядывал на ладони своего нового дружка, который что-то возмущенно чирикал. Затем, заметив что это ярко-красное создание дрожит от холода, сунул его во внутренний карман куртки, предусмотрительно застегнув молнию только на половину, что бы малец не задохнулся. Птичка по – прежнему что-то возмущенно чирикала в кармане.

– Знаю, знаю. Китайцами там пахнет. С новыми вещами так всегда бывает, так что потерпи дружок. Все равно ты мне скоро весь карман загадишь... – шепотом сказал Овальд, чувствуя как нервное напряжение, в который раз за сегодняшний день, начало спадать.

Глава 3. Эра перемен

Вскоре Овальд дошел до пункта назначения. Посмотрев адрес на визитке, он сверился с адресным указателем.

Овальд подошел к громоздким кованым воротам и нажал на кнопку звонка. Никакого сигнала вызова он не услышал, поэтому, на всякий случай нажал еще пару раз.

Никто не спешил открывать ему. Овальд почувствовал, как в кармане, после недолгого затишья, снова начал шевелиться его новоиспеченный питомец. Он заглянул себе за пазуху и расстегнул замок кармана. На него уставились две маленькие, черные глазки – бусинки. Овальду было приятно чувствовать тепло и шевеление возле своего сердца. В этом мире теперь было существо, которое нуждалось в его помощи и зависело от него. Как ни крути – это ободряет.

– Надо бы тебе имя дать... Ты какое хочешь? – спросил шепотом Овальд и, услышав неразборчивое чириканье в ответ, начал размышлять о выборе имени вслух. – Какой-то ты братец не серьезный. Глаза у тебя глупые конечно, но добрые. Сам ты маленький и безобидный, размах крыльев не впечатляющий, даже лапки у тебя кривые и тонкие как спички... Должно же быть в тебе хоть что-то опасное и грозное? Назову – ка я тебя, пожалуй, Абаддоном, в честь древнего демона истребления и смерти. Чтоб все, кто с тобой будет связываться, знали, с кем дело имеют. Как тебе имя, нравится?

Овальд не сразу заметил, как к нему с двух сторон подошли два одинаково одетых в черные смокинги, бритоголовых человека. Они молча наблюдали, как Овальд разговаривал со своим отворотом куртки. Со стороны это выглядело глупо.

Странно было, что охранники подошли не со стороны дома, а по уличную сторону забора. Видимо, патрулировали окрестности.

– Добрый день. Вы к кому? – поинтересовался один из них с каменным выражением лица.

– К мистеру Дональду Старку. По поводу покупки кредита, – объяснил Овальд.

– Выворачивайте карманы – скучным голосом распорядился второй охранник, который стоял справа.

Овальд никак не ожидал столь «теплого» приема.

– А вы простите, кто? Бандиты?

– Нет, мы личная охрана мистера Старка. Выворачивайте карманы – сказал тот, что находился слева.

– Зачем? – спросил Овальд, прекрасно понимая это требование.

– В целях безопасности, мы вынуждены вас обыскать – заучено ответили оба охранника.

– Эту унижительную процедуру нужно обязательно проводить на глазах прохожих? Неужели у вас нет какого –нибудь сканера?

– В случае обнаружения оружия – прохожие люди будут свидетелями. А сканированию вы подвергнитесь, когда войдете в ворота.

Понимая, что спорить бессмысленно, Овальд достал дисконт, выданный ему в клинике, визитную карточку мистера Дональда Старка и показал их охранникам. Затем, вывернул пустые карманы джинсов и куртки.

– Все чисто – вынес вердикт тот, что стоял справа. – Стоп, а с кем вы разговаривали, когда подошли? Предъявите к осмотру внутренний карман куртки.

– Я разговаривал с Абаддоном. – усмехнулся Овальд, заметив, как один из охранников насторожено приложил руку к кобуре, когда услышал «Абаддон». Маловероятно, что охранники были знакомы с древней мифологией, но само слово произвело на них нехорошее впечатление.

Нарочито медленно, Овальд засунул руку за пазуху. Затем, наблюдая за нервным напряжением охранников начал неспешно расстегивать замок кармана. Охранник, что стоял справа, отступил на несколько шагов и медленно зашел за спину пилота. Второй охранник влажной рукой держался за кобуру, висевшую на поясе.

Овальд зачерпнул в пригоршню недовольного Абаддона и предъявил его охране.

– Это что? – брезгливо сморщив нос, спросил охранник.

– Абаддон. – гордо ответил Овальд.

– Это птица что ли? – указав пальцем, недоверчиво спросил бритый здоровяк.

– Сам не знаю, предполагаю, что это свиноногий бандикут, который вымер пару веков назад.

– Нет, это точно птица – внимательно разглядывая Абаддона, сказал второй охранник, который вернулся из засады, располагавшейся за спиной Овальда.

– Ну, птица, так птица... А вы чего напряглись ребята? – улыбнулся Овальд глядя, как напряженные лица охранников, обратно приобретают каменно – тупое выражение лица. – Я могу пройти к мистеру Старку?

– Подождите, а в нем случайно нет радиопередатчика какого –нибудь? Или вдруг там взрывчатка? Нужно провести сканирование – сказал тот, что справа.

Охранник, что стоял слева, достал из кармана маленький, портативный сканер и поводит им возле Абаддона.

– Все чисто – объявил левый.

– Точно внимательно проверили? – спросил Овальд, близко подставляя Абаддона пикантными местами к лицу правого охранника. – А то, когда я узнал что он птица, а не свиноногий бандикут, даже я с подозрением начал к нему относиться.

– Проходите – сказал тот охранник, что был слева, загораживая лицо рукой от Абаддона, демонстрирующего все свои прелести. Правый охранник поспешно нажал на пульте кнопку. Ворота с тяжелым, натужным гулом начали медленно открываться.

Когда Овальд вошел в ворота, его встретил робот – проводник в виде собаки, который побежал впереди гостя, задорно виляя хвостиком. Если бы на этого робота нацепили шкуру, то Овальд не отличил бы его от настоящего пса. Но шкуры на нем не было. Торчащие провода, микросхемы и мигающие светодиоды придавали псу жутковатый вид. Когда гость делал шаг в сторону или замедлял шаг, то проводник визгливым лаем поторапливал его.

Эта территория была маленьким, автономно существующим городком, в центре большого города. Продовольственные магазинчики, хозяйственные ларьки, были на каждом шагу. Пиками торчащие трубы от небольшого завода коптели небо сажей и гарью.

Мерно шагая по брусчатой тропинке, Овальд наблюдал за людьми, работающими на этой территории. Около сотни людей добросовестно стригли роскошный газон, присыпанный мокрым осенним снегом. Соскребали лопатами снежную, грязную жижу с дорожек, ведущих от центральной улицы к многочисленным жилым вагончикам. При деле были абсолютно все. Даже дети усердно трудились бок о бок со своими родителями.

Пилот долго смотрел в отдаляющуюся сутулую спину мальчишки, который обогоняя его, проехал по ноге колесом грязной, обшарпанной тачки, доверху наполненной строительным мусором. Совершив наезд, мальчишка не извинился, и как ни в чем не бывало, побежал дальше.

Овальда накрыла тень. Неприятное чувство... Гадостное какое – то...

Задрав голову вверх, Овальд увидел, что над ним навис огромный летающий дрон. Словно паук, дрон раскинул все восемь лап, на концах которых были установлены камеры наружного наблюдения.

По спине Овальда побежал холодок, когда он увидел, что все небо над этим городком кишело от дронов. Словно мухи над свежей кучкой, дроны кружили над людьми, наблю-

дая за их добросовестной работой. По периметру всей территории городка стояли смотровые вышки, на которых гнездились дроны, заряжая свои аккумуляторы.

Вдалеке он увидел, как один из дронов схватил какого – то человека и понес безвольно болтающееся тело в белый особняк. Вернее не в сам особняк, а к подвалу этого дома.

Теперь Овальд понял, почему люди тут так усердно работают. Пристальное наблюдение никому не даст расслабиться и филонить. С одной стороны это хорошо, но с другой стороны Овальд вспомнил, как в учебниках писали о том, что создание летающих дронов значительно облегчит жизнь человека. Дескать, летающие боты будут выполнять опасные работы вместо человека. Бороться с террористами, разгрести последствия экологических аварий. Жизнь показала, что работать, как и прежде будет человек, а техника будет ему помогать в этом... Правда только тумачами и советами.

Пес-проводник довел Овальда до белого особняка и присел возле специально оборудованной будки. Пилот поднялся по шести мраморным ступеням и вошел в дом.

Длинный коридор и множество дверей слева и справа. Красные фонарики над дверями ясно давали понять, что Овальду там не рады. В конце коридора была только одна дверь с разрешительным зеленым огоньком. Во всяком случае, так подумал Овальд, мысленно отметив, что все это помещение напоминает бордель.

Приличия ради, он постучался в эту дверь. Конечно же, ответа не последовало. Выждав пару секунд, Овальд открыл дверь и вошел.

За столом, который находился возле окна, сидел мужчина внушительных лет. Седые жесткие волосы были зачесаны назад, обнажая высокий, без единой морщинки лоб. В море густой, короткой бороды, которая украшала подбородок Старка, тонул толстогубый, круглый рот, который раскинувшись спасательным кругом, кое-как держался поверх растительности. Его цепкие, холодные, глубоко посаженные глаза неотрывно смотрели в монитор компьютера.

– Простите, можно? – спросил Овальд.

Ответа не последовало. Мистер Старк не обратил на него никакого внимания.

Овальд подошел к столу и деликатно покашлял в кулак.

Никакой реакции в ответ.

– Мне нужно подождать за дверью? – спросил Овальд.

Мистер Старк удивленно уставился своими серыми глазами на Овальда, но так и продолжал молчать.

Овальд достал из кармана визитку:

– Мне дали ваши реквизиты и сказали, что вы можете мне помочь...

Вместо ответа, в голову Овальда полетела хрустальная, тяжелая пепельница. Реакция не подвела пилота, и он вовремя успел пригнуться.

– Я занят! – наконец-то подал голос Старк.

– Сейчас ты у меня освободишься... от всех Земных дел сразу... – сказал Овальд, подходя к столу.

– Стой на месте, не то я охрану вызову! – крикнул Старк, и решив разрядить накаленную обстановку, добавил – Кто посоветовал?

– Профессор Верден. – Ответил Овальд, с трудом погасив вспышку ярости.

– Что-то не припомню такого... Это не тот сумасшедший, который просил профинансировать его проект по переработке фекалий для повторного использования?

– Нет, это не он. Это тот, который из летного училища – сказал Овальд.

Старк, жестом дал понять, что бы ему показали визитку. Овальд подошел к столу и протянул кусочек пластика.

Мистер Старк, не протянул руку для того, что бы принять ее и с ухмылкой на лице, ждал когда вложат прямо в руку. Овальд стоял с протянутой рукой. Для того что бы передать чертову визитку, ему пришлось бы еще сильно наклониться над столом или же обойти с другой сто-

роны... Овальд не был бы Овальдом, если бы он в такой ситуации не кинул визитную карточку на стол. Пластиковая визитка, вращаясь, проскользнула по столу и ударилась о руку Старка.

– Дерзко... – прокомментировал Старк, взяв визитку в руки. Достав из ящика стола канцелярские ножницы, он начал медленно крошить визитку в хрустящую, ламинированную соломку. – Дерзко так себя вести, когда ты просишь о помощи.

– Я еще ничего не просил. – Ответил Овальд.

В кабинете был только один стул. Вернее сказать, это было роскошное кресло, на котором восседал хозяин кабинета. Посетителю не предполагалось сидячего места.

Поняв, что отступать глупо, а менять поведение противно для самого себя, Овальд сдвинул какие-то мятые бумаги и достаточно удобно пристроил свой зад на краю стола.

– Черт возьми. А ты мне нравишься! – Захохотал Старк, разглядывая Овальда. – Хочу спросить тебя, откуда ты такой взялся?

– Спрашивать с должников будешь, а у меня ты можешь только поинтересоваться.

– Во-первых, не «ты», а «ВЫ» – процедил сквозь зубы Старк. – А во-вторых, пошел вон отсюда, нищеброд. Приползешь сюда, когда будешь более голодным и покладистым.

– Во-первых, не «ВЫ», а «ты». Я не могу уважительно обращаться к подобным личностям. Даже твой преклонный возраст не вызывает уважения.

– Не уважаешь старших? Ай, как нехорошо...

– Уважают не за возраст. Если человек дожил до седых волос и не научился элементарным нормам поведения – он не вызывает у меня уважения. Во-вторых, я пришел сюда, чтобы получить работу, а не за подаванием.

– Если получить работу, то нужно меня в этом заинтересовать. Что ты умеешь, кроме того, что можешь дерзить старшим?

– Я летчик. Военный летчик.

– Что ж, очень нужная профессия. Самолетов у меня нет, а немых сортиров у меня в городке хоть отбавляй. Справишься?

– Думаю, что да. Покажешь, как это делается? А то я чувствую, что мимо сортира промахнусь и ершиком по наглой физиономии кому-нибудь ударю.

– Так, все. Утомил ты меня. Я вызываю охрану, – объявил мистер Старк, и потянулся рукой под стол.

– Не вызовешь, – ухмыльнулся Овальд.

– Ты можешь мне как-то помешать?

– Потому, что ты сам этого не хочешь.

Дональд Старк вытащил руку из-под стола и, скрестив руки на груди, внимательно начал рассматривать посетителя.

– Ты угадал. Мне действительно интересно, откуда ты такой взялся и с чем тебя есть.

– Я после криоконсервации... А есть меня нужно после пятиминутной обработки в микроволновой печи.

– Вот оно что! – обрадовался Старк, хлопнув руками по коленям. – А то думаю, что за дерзкий юнец нарисовался у меня. В нашем мире таких людей уже не осталось. Скажу тебе честно, ты заинтересовал меня своим поведением. Все, кто входит в этот кабинет, боятся даже глубоко дышать. Повелевать и властвовать людьми – довольно скучное занятие. Твое хамство придало мне давно забытое чувство растерянности и беспокойства.

– Очень рад, что порадовал тебя. Если хочешь, могу еще тебе и пощечину дать, для полного погружения в мир беспомощности. Причем, не дорого...

Старк от души рассмеялся:

– Нет, это будет уже перебор. Давай так, ты мне понравился, поэтому я дам тебе реальную возможность на спасение.

– Мне ничего не угрожает, просто хочу устроиться на работу.

Сидеть на краю стола стало безумно неудобно. Стол был слишком высок, поэтому приходилось сидеть «на цыпочках».

– Тебе это только кажется. Иллюзия свободы накрепко въелась в твой мозг. Ты – личность без документов и места жительства с весьма солидным минусом на лицевом счете. Я прав?

– В точку.

– Никто и никогда не предложит тебе работу по специальности. Кстати, напомни свою профессию?

– Я пилот высшей категории.

– Хорошая профессия, но неба тебе не видать никогда. И даже не спрашивай почему.

– И не собирался спрашивать, но теперь спрошу. Почему не видать неба?

– Это сложно объяснить... – задумался Старк, потирая вздутые вены на висках.

Овальд молча ждал объяснения.

– Может кофе? – неожиданно предложил Старк.

– Обойдешься, – почти вежливо отказался Овальд.

– Примерно это я и ожидал услышать. Понимаешь... Кстати, как тебя зовут?

– Предположим, что меня зовут Биомасса – Владыка безденежья и нищеты.

– А если серьезно?

– Овальд.

– Так вот, Овальд. Современный мир устроен так, чтобы люди не занимались теми видами работ, которые им по душе. Любой нормальный родитель будет всеми силами пытаться сделать из своего чада творческую личность. Задача, таких как я, то есть работодателей, не дать всяким бездарям спокойно жить. Только настоящие таланты, гении душевного ремесла, будут иметь шанс «пробиться в люди». Нужно морально давить и финансово душировать человека, что бы понять его сущность и преданность своему делу.

– В этом я соглашусь. Никто из родителей не скажет, глядя на крепкие ручки младенца, что он прирожденный грузчик, а рассматривая длинные пальчики, будут говорить, что он прирожденный пианист, а не ассенизатор, который, когда вырастет, сможет без вспомогательного инструмента пальцем прочищать трубы от дерьма даже в самых труднодоступных местах.

– Все верно. А, как известно, рабочий персонал просто необходим для счастливой и благополучной жизни страны. Будь все художниками, писателями и музыкантами – мы бы давно все вымерли. Поэтому и была запущена федеральная программа «обезвоживания», именно так я ее и называю. Хочешь быть музыкантом? Не вопрос! Покупай лицензию музыканта, плати деньги за обучение виртуозно владеть инструментом, плати баснословные деньги за сам инструмент. Нет денег? Бери доступный кредит! Только для начала устройся на любую работу, что бы тебе дали справку о доходах. Потом несколько лет поработай, что бы свести концы с концами, пытаясь погасить хотя бы проценты за просрочку платежей... Поверь, в таких условиях все забывают о своих грезах, и плавно погружаются в трясины реальности. Самое главное в этом деле, не давить на человека. Пусть сама жизнь покажет, что в нем самом нет ничего особого. Что он такой, как и все. Тогда человек будет спокойно махать лопатой, сжимая ее своими длинными, цепкими пальцами и будет счастливым. Таким же, как и все.

– А как в таком случае быть по-настоящему талантливым людям?

– Прирожденные гении своего дела не будут жить иллюзиями. При всем желании, они не смогут жить обычной жизнью. Днем он будет прыгать в канализационные люки и ломом долбить замерзшее дерьмо, а ночью он будет писать прекрасные романы о любви и далеких, красивых мирах. Гений будет таскать тяжелые мешки, но при этом мысленно сочинять прекрасные сонаты и мурлыкать их себе под нос. Талант – это болезнь, увы, не излечимая. Рано или поздно, они достигнут своей цели, но для начала им нужно познать все «прелести» жизни.

– Я пилот – напомнил Овальд. – Я не совсем творческий человек...

– Сути это не меняет. Птицу нужно подержать в клетке, что бы она начала ценить свободу и экстаз от полета.

– А как при такой системе быть, к примеру, врачам? – усомнился Овальд. – Я никогда в жизни не поверю, что люди такой профессии тоже должны пробивать себе дорогу. Нейрохирург, который отбатрачил десяток лет грузчиком, не сможет потом взять в руки скальпель и совершать сложнейшую операцию своими мозолистыми, дрожащими руками. Для этой профессии нужны знания и опыт.

– А ты разве не понял, когда очнулся в больнице, что врачи давно уже стали коммерсантами, а не спасателями чужих жизней. Программа «обезвоживания» дала сбой в нескольких отраслях, и ключевая промашка была именно в медицине.

– У меня есть один вопрос. Скажи, а как ты смог добиться своего статуса рабовладельца? Я никогда не поверю, что ты махал лопатой в кочегарке, а по ночам думал о том, как бы подчинить себе людей.

– Ты прав, я никогда не работал. Мне не нужно было обходить эту систему, чтобы пробиться наверх. Кто-то пытается покорить Эверест, чтобы достичь небывалых высот. Я тот, кто придумал этот Эверест для других. Я тот, кто придумал «обезвоживание».

– Если ты все это придумал, тогда почему находишься не при власти, а руководишь лишь мелким городком, населенным обреченными, несчастными людьми? – усомнился Овальд.

– Я придумал эту систему не первым. Когда ее только внедрили в массы, я первым сообщил что к чему, вовремя сориентировался и раскрутился. Я угадал, когда настанет эра перемен, в которой нам довелось жить.

– В гробу я видел, эту вашу «эру перемен». Каждому поколению мерещится, что именно им выпала честь жить во время великих перемен, но ни черта в этой жизни не меняется, кроме нас самих.

Мистер Старк встал с кресла, подошел к распахнутому окну и долго смотрел на улицу. Овальд, пользуясь случаем, пока на него не смотрят, украдкой подошел к кулеру и налил в пластиковый стаканчик прохладной воды, которая имела неприятный привкус мела.

Старк, вдоволь насмотревшись в окно, резко обернулся и словно торопясь, что он сам может передумать, быстро объявил:

– Ты мне нравишься, Овальд. В твоей душе есть огонь воли к жизни. Это редкость для нынешнего поколения. Поэтому, я предлагаю тебе работу по специальности. Ты будешь личным шофером моего сына.

– Я не водитель, а пилот – ответил Овальд, набирая себе в стаканчик еще немного противной воды. Он поднес воду к внутреннему карману куртки, и тут же высунулась взъерошенная головка Абаддона, который жадно припал к импровизированной поилке. Утолив жажду, птенец в благодарность весьма болезненно клюнул под ноготь Овальда. Этого ему показалось мало. Он сжал в остром клювике край пустого стаканчика и начал размахивать им в разные стороны, пытаясь оторвать от него кусок. Стаканчик полетел на пол. Овальд подув на палец, отвесил Абаддону чисто символический щелбан и запахнул отворот куртки. Из кармана раздалось недовольное щелканье.

– Какая разница? Водитель... Пилот... – пожал плечами Старк, снова усаживаясь в свое кресло. – В душе и того и другого живет один и тот же Фаэтон, любящий жажду скорости и свободы. Не более.

– Фаэтон был адреналиновым наркоманом, не более. Мною движет желание свободы. Когда я лечу – я свободен от всего. Нет начальников и указов, а лишь люди, которые задрав вверх головы и открыв рот, смотрят на меня снизу вверх. Стоя в пробках на четырехколесном, коптящем гарью драндулете, нет такого ощущения. Но, учитывая мое нынешнее положение дел, расскажи мне подробнее о моих возможных обязанностях. Я готов крутить баранку и мечтать о небе.

– Вот и славно, я знал, что мы договоримся. Мне как раз требуется на эту должность решительный человек с военной подготовкой. Ты стрелять умеешь?

– В училище меня научили стрелять от сигарет до самонаводящихся ракет класса «Земля поверхность», – ответил Овальд. – Причем, стрелять для старослужащих первое, было значительно тяжелее.

Мистер Старк, нырнул куда-то под стол и с довольным видом достал из ящика стола бутылку коньяка и пару бокалов. Вопросительно изогнув брови, он взглянул на Овальда.

– Я не буду – отказался Овальд.

Он никогда не был рьяным трезвенником. В хорошей компании и под хорошую закуску – пожалуйста. Но пить алкоголь без всякого повода, закуски и компании – верх пошлости. Да и не понимал он никогда смысла выпивки в маленьких порциях. Одно дело, когда ты раз в пару месяцев напиваешься вдрызг, проводишь хорошо и весело время, а на утро, созваниваешься по телефону со вчерашними подельниками и пытаешься собрать по крупицам вчерашний вечер. Такой вид потребления алкоголя вполне полезен, если не злоупотреблять. Очищает организм и душу. Но в чем смысл мусолить маленькими порциями дорогостоящее пойло каждый день? Этого он никогда не понимал. Рюмочку для аппетита, рюмочку для лучшего сна, рюмочку для лучшего мышления и так далее. В голову алкоголь не бьет, веселья – никакого. Только гадостный привкус во рту и не перебиваемый перегар круглыми сутками.

– И правильно. А я, пожалуй, приговорю бокальчик – сказал Старк, булькая бутылкой над бокалом. – Твоей основной задачей будет охранять моего сынишку. Будешь возить его на автомобиле туда, куда потребуются. И не дай Бог, если с него хоть волосок упадет...

– Не беспокойся, я его обрею наголо.

– Шутки шутками, но ситуация серьезная. Ему постоянно будут угрожать расправой, и ты обязан его защитить, пусть и ценой своей жизни.

– Понятно. Скажи, а его хотят похитить с целью выкупа? Богатый папочка и все такое...

– Он у меня не обычный мальчик. Понимаешь, он болен неизлечимой болезнью. Ему постоянно кажется, что он спит.

– В смысле, он лунатик? – спросил Овальд.

– Не совсем, – грустно ответил мистер Старк. – Просто ему кажется, что он спит, когда бодрствует. А во сне ему кажется, что он живет. Представь себе, какие открываются возможности, когда ты думаешь, что это все сон? Ты волен делать все то, что заблагорассудится, не боясь никаких последствий за содеянное.

– Возможно это все потому, что у него богатый отец? Будь у меня вседозволенность, я бы возможно, тоже бегал по улице голым, и разбрасывал пачки денег от счастья.

– Если бы он просто бегал голый... Сколько раз мне приходилось вытаскивать его из полиции, ты бы только знал. Утром он просыпается дома живой и здоровый, считая, что в камеру его посадили во сне, а не на в настоящей жизни. Сегодня он может придумать ограбить банк, а завтра он решит, что ему осталось жить всего один день и он начнет бегать в поисках лекарства, ищет какой-нибудь выдуманный им антидот. А может просто бегать по городу и мочиться на прохожих. Он мой единственный сын. С этим нужно как-то жить.

– Даже не знаю... Охранять идиота – не мой конек.

– Не нужно так о нем говорить! – рявкнул Старк, хрястнув по столу кулаком.

– Хорошо. Только не нужно так нервничать и вести себя как хозяин этого мира. Будь проще Старк, и люди к тебе потянутся – нравоучительно заявил Овальд.

– Извини. Нервы, сам понимаешь.

– Нет, не понимаю.

Мистер Старк оттолкнулся ногами от пола и слегка вращаясь, откатился в кресле к шкафу. Порывшись в ворохе бумаг, небрежно валяющихся на полках, он достал клочок чистой, слегка помятой с угла бумаги и начал на нем что-то старательно писать. Завершив

писанину залихватским автографом, мистер Старк подкатился в кресле обратно к столу и протянул бумагу Овальду:

– Ради тебя я сделаю исключение, и мы подпишем трудовой договор. С другими рабочими я этого не делаю. Они – мое имущество. Они мои целиком и полностью. А ты будешь свободным наемным работником, работающим по контракту. Правда, для того что бы расторгнуть его, тебе понадобится продать обе почки и оплатить компенсацию, но все же ты будешь свободным человеком. Бесплатное питание, койка-место и даже чуть-чуть наличных будет тебе выдаваться ежемесячно.

Овальд бегло просматривал написанные каракули на листе бумаги, улыбаясь все шире и шире.

Старк, увидел довольную улыбку на лице Овальда и понял, что дело сделано. Протянул Овальду ручку, нетерпеливо сказав:

– Чего тут думать? Подписывай, это же просто райское предложение. Ничего делать то и не нужно. Просто всегда быть начеку.

– Понятно. Низкая зарплата компенсируется высоким уровнем ответственности. А почему тут нет пункта о передаче моей души в вечное пользование? – совсем уж довольно улыбаясь, спросил Овальд.

– Какой души? – не понял Старк.

– Моей души. Серенькой такой, невзрачной и никому не нужной.

– Не понял...

– Вот и я не понял. Это договор или мое завещание, судя по которому даже мое тело после смерти будет принадлежать тебе?

– Это контракт. Так сказать подарок. Ты – юбилейный тридцатый охранник для моего сына.

– Даже не буду спрашивать, что случилось с предыдущими. Знаешь, а у меня есть тоже для тебя подарок! Судя по всему, я первый человек, кто отказывается от этой должности. Поэтому, в честь дебюта, я дарю тебе запятые, тире, и чуть-чуть грамотности. Я ухожу – объявил Овальд, возвращая бумагу работодателю.

– Как ты смеешь, нищеброд? – возмутился Старк, медленно вырастая из-за стола.

– И вот еще что. Болезнь твоего сына излечима. Работа и только работа лучшее лекарство от всякой выдуманной хрени, которая разрушает мозг, – обернувшись возле порога, сказал Овальд.

– Стоять! Ты еще пожалеешь об этом, когда будешь подыхать в канаве от голода!

– Не сомневаюсь. Но, лучше жалеть о содеянном, чем о том, чего не сделал. Удачи тебе, рабовладелец.

Овальду очень хотелось напоследок сильно хлопнуть дверью, но он сдержался и пошел прочь от доносившейся брани из приоткрытой двери кабинета мистера Старка.

Глава 4. Истинные люди

Овальд присел на край фонтана и наклонился, чтобы умыться лицо прохладной водой. Зачерпнув пригоршню затхлой воды, он размазал ее по соленому лицу.

Только сейчас он понял, что не видел своего отражения с тех пор, как его подвергли криоконсервации. Он долго смотрел на свое отражение. Внешность у него была прежней. В больнице его даже заботливо постригли и гладко побрили, перед тем, как выставить его за дверь. Только кожа лица теперь была какой-то бледной и жирной, словно ее намазали воском. Взгляд тоже стал другим – холодным и безжизненным, как у древнего старика. С умытого лица монотонно падали капли, которые создавали рябь по воде, отчего плавающие пожухлые, осенние листья уплывали в сторону.

Овальд, желая зачерпнуть еще пригоршню влаги, опустил руку в воду. Внезапно собственное отражение резко схватило его за запястье и потянуло вглубь. Закричав от испуга, Овальд попытался вырваться, но отражение высунуло другую руку из воды и, схватив за голову, утащило его под воду...

Борясь за свою жизнь, Овальд жадно хватал ртом воду, легкие быстро заполнялись водой. По всему телу пошли ужасные судороги. Неподвижно застыв в позе эмбриона, он плавно пошел на дно. Перед глазами закружился яркий калейдоскоп, в котором мелькали симметричные узоры. Сознание Овальда утонуло в нем, и наступила тьма.

Едва он открыл глаза, как увидел перед собой... самого себя. Двойник был точной копией, только лоска в нем было больше, чем предостаточно. На нем был темно-серый эластичный костюм, чем-то напоминающий ОЗК.

Овальд почувствовал себя вполне бодрым, воды в легких не ощущалось. Наверное, этот тип сумел быстро вытащить его из воды, поэтому не успел вдоволь нахлебаться. Не проронив ни слова, Овальд поднялся на ноги и стал сверлить взглядом близнеца.

– Даже не спросишь, где ты? – дружелюбно улыбнулся двойник.

Овальд осмотрелся по сторонам. Это была не Земля... Точно не Земля.

На ярко-желтом небе не было солнца, не было облаков. На нем вообще ничего не было, словно вместо неба растянули силиконовый, идеально ровный, натяжной потолок.

Над Овальдом нависали сплетения невероятно длинных, бетонных, навесных мостов. Правда назвать их навесными было сложно, поскольку не было видно никаких опор и толстых косичек тросов: где мост начинается, а где заканчивается, сложно было определить. Примечательно было и то, что мосты были не только горизонтальными, но и вертикальными с разным градусом наклона. Создавалось впечатление, будто гигантский паук аккуратно сплел эту бетонную паутину. То и дело на огромной скорости просвистывал какой-то транспорт. Все это происходило настолько быстро, что Овальд как ни старался, не мог уловить даже очертания мимо несущегося транспорта.

По воздуху, устремившись в одном направлении, летели пузырьки, наполненные каким-то серым веществом. Ветра не было, но какая-то непонятная сила медленно, но верно направляла их в пункт назначения.

Овальд и двойник стояли на бетонной серой поверхности. Была ли это земля или же они стояли на мосту – Овальд определить не мог. Чуть в стороне, находился точно такой же фонтан, в который его утащило отражение. Только вода в нем теперь была какая-то опасно-серая. Никакой растительности в округе не было. Только удручающая серость бетона и ядовито-желтое небо.

– Так что, не будешь спрашивать, где ты? – повторил вопрос двойник, все так же мило и приветливо улыбаясь.

– Тебе невтерпеж похвастаться знаниями? – вопросом на вопрос ответил Овальд.

– Могу подождать. – Парировал двойник.

Овальд немного прошелся. В округе стояла гулкая тишина, лишь иногда нарушаемая пронесившимися по мостам неведомыми машинами или летящими по небу огромными черными шарами. Скорее всего, это были местные самолеты, догадался Овальд.

Ощущения были неприятными. Овальд никогда не страдал клаустрофобией, но сейчас он испытывал какое-то чувство сдавленности, словно его запечатали в огромную стеклянную банку. Даже звуки от собственных шагов и биение сердца были приглушенными. Давила земля, давило небо, давили нависающие над головой многотонные мосты.

Больше тут смотреть было не на что.

– Где я? – спросил, наконец, Овальд.

– Ты в Земле! – Торжественно объявил двойник.

– Я на ней всегда был и прекрасно знаю, как она выглядит.

– Ты не понял. Не «на Земле», а «в Земле».

– Вот оно что... Все же, я навеки смежил очи под покровом ночи? – ухмыльнулся Овальд. Стараясь не подавать признаков паники, он засунул руку в карман джинсов и ущипнул себя за ногу через материю кармана – ноющая боль не заставила себя долго ждать. Это означало, что он жив. – Вот уж не думал, что ангел, встречающий меня на пороге рая, будет иметь такую отвратительную физиономию.

– Физиономии у нас одинаковые, если ты не заметил.

– Заметил, но от этого она у тебя краше в моих глазах не станет.

Двойник заулыбался еще шире и укоризненно покачал головой.

– Вижу, что ты волнуешься и нервничаешь. Давай, я тебе сразу все объясню, чтобы сгладить сложившуюся ситуацию?

– Сделай милость.

– Я – это ты. Ты – это я... – начал объяснять близнец.

– И никого не надо нам. Все, что сейчас есть у меня – я лишь тебе одной отдам, – процитировал отрывок из песни Овальд. – Давай ближе к делу.

– Хорошо, начну по-другому. Ты живой... – сказал двойник и снова замялся.

– Вот это новость! И давно это со мной? Это лечится? – не унимался Овальд.

– Хамство – это мне знакомо, сам люблю этим позаниматься в свободное от вежливости время. Все же, у тебя нет желания узнать, где ты находишься?

– Конечно, есть, но гораздо больше мне хочется взять тебя за шею и засунуть твою мило улыбающееся личико вот в этот тухлый фонтанчик, – немигающим взглядом буравя собеседника, признался Овальд. – Ты чуть не утопил меня и теперь ждешь, что я с открытым ртом буду тебя слушать? Если есть что сказать, то засунь свой пафос подальше и говори по делу.

– Ты находишься в мире истинных. Я протащил тебя через водный портал. Ты – мой клон. Ты живешь на поверхности планеты, то есть в мире изнанки, в то время как я живу внутри планеты. Все люди – это наши двойники. Именно от истинных зависит вся ваша жизнь: когда рождается истинный, автоматически, в мире изнанки появляется его копия. Когда родился я – появился и ты. Теперь все ясно?

– Для чего? Для чего вам клоны? – спросил Овальд, пытаясь всем видом скрыть свой страх и удивление.

– Понимаешь, если мы будем жить на поверхности планеты – то будем на виду для всех. Наши враги из соседних галактик будут в курсе нашего технического развития и вооружения. Находясь внутри планеты, мы скрыты от посторонних глаз.

– Все равно не понимаю... Для чего вам прятаться? – спросил Овальд. – Мы же как-то живем, и никакие инопланетяне к нам не прилетают.

– Все не так просто, – ответил истинный Овальд. – Четыре тысячи лет тому назад, мы жили на поверхности Земли вместо вас. Мы были очень развитой и сильной расой. Все было хорошо, мы покорили не один десяток галактик, населенных различными тварями, но неожиданно наша эра закончилась. Несколько рас создали альянс и, собрав все силы в один мощный кулак, сокрушили нас. Мы были вынуждены временно уйти глубоко под землю и спрятаться там от гнева бойцов Эльды и Варленга. Именно эти две расы были самыми рьяными нашими палачами. Забрав у нас все завоеванные планеты, они преследовали нас до Земли. В последний момент мы сумели укрыться от них под землей. Истинные мудро решили, что оставлять поверхность Земли незаселенной очень опасно. На пустую планету мог бы позариться кто-то из соседей. Тогда мы и стали создавать вас, копируя самих себя. Когда члены альянса увидели вас на поверхности – они посчитали, что цивилизация истинных больше не опасна, поскольку они увидели вас, а не нас. Вы примитивны, туповаты, а вся ваша техника, на тот момент, была каменным колесом, закрепленным на бамбуковой тележке. Альянс пощадил Землю, но все же до сих пор пристально приглядывает за вами, чтобы вы не наделали глупостей.

– Я правильно понимаю, что пока мы исправно играем роль болванчиков, вы готовитесь к новой войне? – хмуро спросил Овальд.

– Бинго! – Улыбнулся истинный. – Мы и вам тоже периодически подкидываем устаревшие и безобидные безделушки, чтобы со стороны казалось, что вы развиваетесь, как это и положено любой нормальной расе.

– А я думал, что мы сами до всего дошли. Своим умом...

– Ха-ха-ха! Каким умом? О чем ты? – развеселился двойник. – Вы – имитация. Иллюзия. Бутафория. Мишура. Своим умом говорит... Ха-ха-ха!

Тысячи голосов поддержали его своим смехом. Мужские, женские, старческие, детские... Но никого из других истинных по-прежнему не было видно.

– Я тебе сейчас нос сломаю! – Пообещал Овальд, сжав руку в кулак.

Когда оскорбляют тебя – плевать. Когда оскорбляют твоих близких – сдержаться сложно, но возможно. Овальд впервые испытал то чувство, когда оскорбляют все человечество. Он всегда был терпеливым и миролюбивым человеком, но сейчас сдержаться было просто невыносимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.